

Величие советской науки

На днях советская общественность отмечала столетие со дня рождения замечательных деятелей русской техники П. Н. Яблочкова и А. Н. Лодыгина — изобретателей, подаривших миру электрическое освещение, «русский свет», как называли его на Западе. Есть черта в их работе, характерная для всей русской науки и тысячекратно усиленная наукой советской: смелость и независимость мышления.

Оба изобретателя пошли по пути, принципиально новым для науки своего времени, — они не совершенствовали работы предшественников, а подымали цели. В науке, вспыхнувшей для человечества Яблочковым и Лодыгиным, десятилетиями собирали богатый урожай их американские и западно-европейские эпигоны.

Традиция поисков новых путей и критической проверки научного наследия, смелого отказа от устаревшего, от всего, что задерживает прогресс, началась у истоков русской науки. Кто посмел бы в XVIII веке выступить против непрекращающегося авторитета Ньютона? Только Ломоносов на заре русской науки вступил в спор с Ньютоном в защиту волновой теории света. Истина была на его стороне. Ломоносов сумел глубже Ньютона проникнуть в тайны космоса.

История нашей русской науки — это цепь изумительных дерзаний, великодушных взлетов мысли и тончайших исследований. Менделеев потрясает научный мир точным определением не только количества, но и свойств элементов, которые найдут ученые в будущем, Лобачевский создает построение, все величие которых поняли лучшие математики мира только десятилетия спустя, Калужский учитель Циолковский конструирует ракетный двигатель, которого еще и в мечте не привидела техника Запада, Московский профессор Жуковский разрабатывает теорию летания прежде, чем оторвался от земли первый аэроплан, и вооружает конструкторов теоретическими расчетами на полвека вперед. Провинциальный садовод Мичурин спокойно и без всякой помпезности, которую так любят на Западе, переделывает природу на свой, более удобный для человечества, лад.

Через головы правящих классов, не замечавших в равнодушном невежестве великих достижений русской науки, ученые протискивали свои труды на родину. Они работали для отечества, чувствовали себя в мировой науке представителями народа, его достоинства и его гения.

«Наука должна сойти с пьедестала и заговорить языком народа, т. е. популярно», — писал великий ботаник и подлинный демократ Тимирязев. Стремление к слиянию с народом, к служению народу ощущалось русской наукой. Ее лучшие представители были не только блестящими исследователями, но и прогрессивными общественными деятелями, нередко связанными с революционно-демократическими кругами. Они думали о завтрашнем дне отечественной науки и о судьбах своего народа.

Недаром Менделеев, наряду с «Основными химиями», писал о производственных силах России и перспективах развития промышленности. Он яростно боролся с хищническим методом эксплуатации нефтяных промыслов, который применял иностранный концессионер Нобель. Менделеев был прямым предком советских ученых, сочетавших глубинные научные исследования с постоянной заботой о пользе народолюбивой.

Павлов, смело раскрывший тайны высшей нервной деятельности, которых едва смеялись касаться ученые Запада, и нашестий сокрушительный удар идеализму, и нашестий пролагающий новые пути в естествознании, перешагнувший порог старого мира и вышедший на простор социалистической культуры. Как Горький стал связующим звеном между русской классической литературой и литературой нового общества, так Тимирязев, Павлов, Циолковский ковали звено, соединявшее советскую науку с лучшими традициями прошлого.

Еще шли бои с белогвардейцами близ Курска, а академики Губкин и Лазарев уже изучали в районе сражений магнитную аномалию, чтобы привабить к богатствам Родины огромные запасы руд. Еще полыхало пламя гражданской войны, а академики Ферман исследовали апатитовые залежи Севера, предавая их огромное значение для промышленности молодого государства.

Но научные экспедиции того времени были только первым знаком наступления новой эры, отмеченной неразрывностью, единством интересов народа, государства и науки.

С каждым годом советские ученые активнее и смелее вторгались в жизнь. Это было следствием не только и не столько новых материальных условий научной работы — не было широкого строительства научно-исследовательских институтов и превосходно оборудованных лабораторий, — сколько качественного своеобразия советской науки.

Впервые в истории человечества основой жизни и прогресса народа стала научная теория, самое высокое достижение мировой науки: учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

У корня государства стали Ленин и Сталин, великие ученые, гениально определившие законы развития современного общества.

В созданном Лениным и Сталиным социалистическом государстве наука служит народу, и только ему, его интересам. Это определяет естественную и прочную связь теории с практикой, науки с техникой.

Строительство науки в советской стране невиданно по масштабам. В царской России было около тысячи ученых. В Совет-

ском Союзе ко дню его тридцатилетия больше тысячи научно-исследовательских институтов и около ста тысяч научных работников. Вокруг новаторов науки собираются коллективы ученых, представителей всех национальностей Советского Союза — не робких учеников, а равноправных участников творческой работы.

Ученые у нас — не замкнутая каста. Постоянный обмен живыми творческими силами между научными учреждениями, с одной стороны, и заводами, колхозами — с другой, делает нашу науку подлинно народной.

Академик Бардин отправляется работать главным инженером Кузнецкого комбината, а инженер Винтер и Александров, строители Днепротреста, принимают участие в академических трудах, потому что их практическая деятельность — это же время высокое научное достижение. Академик Лысенко обогащает колхозников результатами своих смелых теоретических исследований, а выходящие агрономы переходов колхозов занимают место за столом Сельскохозяйственной академии и своим опытом оплодотворяют науку. Академик Чанглин вооружает конструкторов результатами тончайших математических исследований, а Миклулин приносит в Академию наук свое блистательное конструкторское дарование.

Стиль романтически смелого планирования работ и реалистически трезвого осуществления планов, стиль, свойственный практическим советским деятелям, — стал и стилем науки.

Ученые Советского Союза вдохновлены общей целью работы — перестройкой страны, восхождением к коммунизму. Но единство цели — лишь одно из условий, обеспечивающих плодотворность коллективного труда. Другое условие — единство метода, единство мировоззрения. Оно создает гармоничность творческих поисков и достижение всего огромного отряда наших ученых. Все с большим успехом применяют советские ученые метод диалектического материализма в самых различных областях знания.

В иные условия, резко отличные от наших, поставлена наука на Западе. Ленин писал, что буржуазия превратила «образование и науку, высший оплот и высший вершитель капиталистической цивилизации, в орудия эксплуатации, в монополию, для того, чтобы громадное большинство людей держать в рабстве».

Процесс, который прозорливо увидел Ленин, неизбежно обострился в последние десятилетия, стал явным для каждого. Ученые Америки получают право пользоваться оборудованием исследовательских институтов и лабораторий за дорогую плату: отказ от служения интересам человечества и своего народа. Они лишены вдохновляющего счастья трудиться ради интересов и нужд мира. Плодами своих работ они обогащают монополию. В направлении творческой мысли, в выборе тем работ они зависят от монополии и, значит, помогают поработать науку, снижать его жизненный уровень. Их зависимость от воинствующего капитала неизбежно ведет к деградации науки.

Ибо передовая наука — это та, «... которая не отгораживается от народа, не держит себя в стороне от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по прихоти, а добровольно». Эти слова товарища Сталина охватывают особенности развития советской науки, показывают истоки ее выдающихся успехов. Эти слова товарища Сталина показывают и всю бессмысленность, uselessness, нецелесообразность, вредность, нежелательность применения передовой науки Запада, проданной капиталу и разрушенной монополией. Советская наука с уважением относится к исследованиям тех ученых Запада, которые еще не потеряли окончательно совесть и силу научного мышления. Но не могут наши ученые уважать в целом науку, согласившуюся величайшую работу современности — освобождение внутреннего энергии — поставить на службу империализму, предназначить для истребления людей и разрушения построенного ими, а не для создания новых ценностей.

«К лицу ли нам, представителям передовой советской культуры, советским патриотам, роль преклонения перед буржуазной культурой или роль учеников?» (А. А. Жданов).

Наша наука доказала свою независимость и верность народу теоретическими исследованиями, имеющими мировое значение, органическим, жизненно-важным участием в социалистическом строительстве, в осуществлении сталинских пятилеток, в обороне страны.

Третий день идут заседания юбилейной сессии Академии наук. Восемьдесят докладов, освещающих тридцатилетний путь советской науки и ее перспективы, — это взгляд с высоты на пройденный путь, это взгляд вперед на новые подвиги, проверка готовности к штурму цели, поставленной товарищем Сталиным, — преодолеть в ближайшие годы достижения науки за пределами нашей страны.

Высоко поднялась за великое тридцатилетие советская наука. Но не по инерции будет пройден оставшийся отрезок пути к озаренным солнцем высотам коммунизма. Новых усилий, новых дерзаний, все больше отваги, мысли и высокого напряжения труда ждет народ от своей науки. И ученые оправдают доверие страны, как оправдывали его до сих пор. Силы для нового восхождения накоплены. Они несут: перенем, потому что источник их — народ. Они привели к вершине, на которой воздвигли свой светоч Ленин и Сталин.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 49 (2364)

Суббота, 25 октября 1947 г.

Цена 40 коп.

Новый день социализма

Вера КЕТЛИНСКАЯ

Остались сутки, остались часы... И Ленинград выполнит план второго года пятилетки. Опережая время, великий город — колыбель социалистической революции — вступает в новый победный 1948 год.

Закономерно, верный своим глубоким революционным традициям, город-воин стал герцем труда.

Казалось, что этому израненному городу нужно еще долго залечивать раны и восстанавливать свое хозяйство, прежде чем браться за большие производственные задания для всей страны.

Да, так казалось. Трудно рассказать, с какой болью смотрели ленинградцы, жаждавшие в колыбель ослы, на опустевшие цеха, где гулял ветер и сквозил разбитые стекла крыши оседал снег на умокшие станки... Скоро ли восстановится все это? Скоро ли поднимется? Вернется ли к трудовому Ленинграду его былая слава передовика, новатора, зачинателя самых сложных и ответственных производственных дел? С хорошей ревностью, понятной всем творческим людям, с невольной завистью, свойственной мастерам, лишенным простора для приложения своего мастерства, дошли ленинградцы к скупке известия с тыловых бурно растущих заводов. Я помню одного инженера-конструктора, оставшегося на своем заводе в Ленинграде и героически, с талантом и технической смелостью решившего проблемы ремонта турбины, разбитой прямым попаданием снаряда. Конечно, он был удовлетворен тем, что быстро восстановил турбину и вернул ленинградцам свет, тогда как две комиссии признали быстрый ремонт ее невозможным. Должно быть, если бы ему пришлось заново решать, остаться ли в осажденном городе или эвакуироваться с конструкторским бюро, он снова решил бы остаться и пережить все бедствия и пойти наперекор своим комиссиям и дать ленинградцам свет... Но с какой ревнивой завистью восхлыло оно у него!

— А там, на Урале, сейчас такую турбину проектируют!..

И сразу заговорил о другом, потому что боязно отстать была слишком интрига и в тех условиях, когда решались вопросы жизни и смерти, казалась неуместной.

Но эта боязнь — плодотворная боязнь — жила в смелых душах и порождала тоску по большому труду, по большому, умному, дерзкому творчеству. Вместо массового выпуска снарядов и ми — турбин, сложные приборы, первоклассные станки, каких еще не делали, — вот о чем мечтали про себя люди, обслуживавшие свой близкий фронт. И эта мечта стала одной из предпосылок нынешнего успеха.

Еще шла война, когда в освобожденный от блокады Ленинград потянулись другие ленинградцы — те, кто ковали победу на Урале и сражались на фронтах. Истоскованные по родному городу, гордые его воинской славой, они жаждали внести свою долю в дело восстановления и приобщиться к полному Ленинграду свой накопившийся трудовой оплот, свою боевую сноровку. С окончанием войны этот поток стал шире, а жажда мирного труда — неистощимой. И это стало второй предпосылкой нынешнего успеха.

С какой страстью, с каким азартным подъемом взялись ленинградцы за восстановление! А потом в их сознание вошли слова Сталина, раскрывшего грандиозную перспективу развития страны на пути к коммунизму, потом в жизнь вошел пятилетний план. С полным доверием к его силам Ленинграду поручалось быть лидером сложного машиностроения, кораблестроения и производства точных приборов.

В плане не было скидок на пережитое, да и не могло быть — ленинградцы не приняли бы скидки.

План ставил жесткие сроки, выдерживать их было трудно, а жизнь была еще неустроенной и тяжелой. И все-таки ремонт жилищ отставал от ремонта цехов — люди брались за главное, решающее, были готовы потерпеть с домашним уютом, но обеспечить тот общий размах жизни, который сулила пятилетка. Участники 900 дней обороны, фронтовики, прошедшие по многим странам Европы, и работники тыловых заводов, хорошо запомнившие военную трудовую струю, все понимали, что их будущее — в силе государства, а сила государства будет расти вместе с осуществлением вот этого плана всеми народом в целом и каждым человеком, в частности.

На помощь пришло социалистическое соревнование.

Эти два слова стали такими привычными, что их упоминают, не задумываясь. А между тем формы и содержание социалистического соревнования меняются вместе со всем ходом нашего развития. Из тех крупиц нового общественного метода, о которых не переставал говорить Ленин в ряде статей и выступлений, прозревая в них будущий закон социалистической жизни, соревнование превратилось в мощное всенародное движение в годы сталинских пятилеток.

17 ноября 1917 года Ленин сказал: «Только тот победит и удержит власть, кто верит в народ, кто окупается в родинку народного творчества».

Вся тридцатилетняя история нашего государства подтверждает эти слова. И соревнование сегодня — это уже не ролик, а широченная река живого творчества народа, облеченного и ливером своих руководителей, и правом свободно творить.

Начальник стахановского участка турбинного цеха Кировского завода, основоположник нового метода руководства трудом Анатолий Боровиков так определял привлекательность своей заводской работы: «Новое, новое, каждый день новое — на всю жизнь хватить».

Чувство новизны происходящего охватывает каждого, кто приближается к интересам и работам заводских людей. Есть такие новые ростки, которые еще только пробиваются, их не сразу разглядеть, но всегда заметишь. Но есть уже определившиеся новые черты послевоенного социалистического труда, и в них очень отчетливо прослеживается то, что я называла бы возмужанием. Это — итог войны. В сознании и характерах людей отложился огромный организационно-технический опыт боевого труда, назыв-

ки командирской ответственности и солдатской инициативы, взаимной выручки и дисциплины. Железная организованность, организованность и размах сталинских наступлений носители привычки и вкуса к такому, и только такому — массовому действию, потребности в нем, суровой требовательности к себе и другим, к товарищам и к руководителям.

Вспомним, что и опыт военных лет возник не на пустом месте, а на почве, подготовленной годами строительства социализма, накопления технической и организаторской культуры, воспитания миллионов людей в социалистическом творчестве. Образу говоря, школа Днепрострой оказалась и при боевом форсировании Днепра.

Мы научились смотреть в корень. — сказал мне один из передовых работников Кировского завода Сергей Буштырков, чей участок — сплошь стахановский — первым в Ленинграде перешел на многостаночное обслуживание, причем большинство рабочих овладело двумя и даже тремя профессиями.

Подняв знамя предоктябрьского социалистического соревнования, заводские люди стали смотреть в корень всех недостатков и достижений. Они не рассчитывали на авралы, на штурмовые ночи, хотя и были готовы к ним, если понадобится. Они не хотели побеждать штурмовиной! Они искали путей к победе в коренном усовершенствовании методов и организации труда — от своего рабочего места и вплоть до заводоуправления. Они налаживали организацию труда и расстановку сил, как в бою, когда фланги должны быть крепки и гибки, тылы мобильны и безотказны, каждое подразделение подвижно и активно.

Трудовому усилию сопутствовала творческая мысль. Рационализаторские предложения подавались тысячами работников, а еще тысячи принорились следить за тем, чтобы каждая полезная мысль была превращена в дело. Сергей Буштырков рассказывает, что молодые работницы, совсем недавно пришедшие в цех, ежедневно спрашивают: «Где затирает? Что еще можно сделать? Все ли делается, чтобы работа шла отлично?»

Конечно, массовость социалистического соревнования — особенность не только наших дней. Кто скажет, что на Днепре, на Магнитке, в Комсомольске, на Сталинградском тракторном не было массового подвига? Новую черту наших дней является, мне кажется, организованность массового распространения стахановских методов.

Почти Василия Матросова по существу очень прост, но он мог возникнуть только теперь. Весною в одном из районов Ленинграда за Московской заставой было подсчитано, что на заводах и фабриках района каждый второй рабочий — стахановец. Следовательно, достаточно каждому стахановцу обучить своему методу одного рабочего — и будет сплошь стахановские участки, цеха, заводы.

В Ленинграде стахановские участки и цехи насчитываются уже многими десятками, и с каждым днем их количество возрастает. Да и как может быть иначе, если совсем «зеленые» новички интересуются по вседневному тем, где затирает? и как можно улучшить общий ход дела на всех участках?

И еще характерная деталь знаменитого процесса — сегодня ведущий стахановец завода не гонится за одиноким рекордом, он добивается общего ритмичного подъема всего производства. Ритм — обязательство нарастающий, но четкий, без перебоев, — вот scelto усилий и поисков.

Умение масштабное, государственно мыслить, творческий подход к своему труду и стремление рационализировать, усовершенствовать труд на основе самой передовой техники, изучение этой техники и внесение в нее нового, своего, подсказанного практическим опытом, теоретическими знаниями и сознанием необходимости неустанного движения вперед, — это и есть интеллигентность. Круг интересов такого рабочего-интеллигента широк, душевный мир сложен, мечты и запросы многообразны, и в то же время самый смелый полет его мысли никогда не отрывается от человеческой практики, а потому не бесплоден, что нередко отличало интеллигента старого типа, оторванного от живой трудовой деятельности.

К сожалению, до сих пор этот процесс становления нового типа социалистического рабочего еще очень мало затронут нашей литературой, и рабочие порою изображаются упрощенно, без раскрытия всего богатства их внутреннего мира. Без понимания происходящего сейчас, рядом с нами, глубокого процесса изменения людей нельзя двигать вперед литературу. А ведь роль литературы в ускорении этого процесса может быть очень велика и почетна. Где еще и приложить свои силы инженеру человеческих душ?

То, что происходит сегодня на заводах, это победа социалистического стиля. Это новое качество заложено в самом характере социалистической промышленности и сперва робко, потом все смелее развивалось с тех первых дней, когда рабочие завоевали власть и стали из пораженного класса классом господствующим. Но как же все изменилось за тридцатилетие. Нет, даже за последние пятнадцать лет!

Старый краснопутливый Петр Дмитриевич Никитин рассказывал мне о том, как в начале тридцатых годов ему приходилось ломать сопротивление консервативных специалистов и администраторов, налаживать работу только что нарождающегося производственного совещания. Захотел рабочие послушать сообщение о себестоимости их продукции — им ответили: «Все равно не поумеем. Вносили предложение о рационализации труда, — им пытались вынуждать, что на ю еще инженеры, они знают, что нужно и что не нужно. Своих, советских специалистов было еще очень мало, а старые частью были враждебны, а в большинстве своем еще не понимали новизны и потребности творческой энергии рабочих. Сегодня эти рассказы слушаешь, как рассказы о глубокой старине».

За мир, за демократию!

Обращение писателей Болгарии

Болгария — маленькая страна, но было бы несправедливо, если ее голосом пренебрегли те, кто действительно защищает свободу и демократию. Мы обращаемся к людям с чистой совестью, для которых свобода народов не является объектом купли-продажи и которые знают, что самый большой враг свободы — это фашизм. Болгарский народ уже больше двух десятилетий ведет непримиримую борьбу с фашистской диктатурой. Сейчас перед ним стоит первоочередная задача: сохранить так дорого завоеванную свободу. Одной из предупредительных мер была казнь заговорщика Петкова.

Западная репрессивная пресса подняла по этому поводу невероятный шум. Для нее этот предатель — герой, а законный приговор — акт отщепенства. Мы не согласны с таким своеобразным «человеколюбием» и не удивлены, что Петков нашел столь горячих защитников в той среде, где покровительствуют уничтоженным демократам и борются против фашизма в Греции; в среде, которая приняла у себя осужденного нашим народом судом Панкова, первого фашистского диктатора в нашей стране, из свастик которого лежат гилье 30.000 болгарских граждан.

Нет. Очевидно, тут вопрос идет не о человеколюбии и не о демократии, а совсем о другом. Мы писатели, боремся против смертной казни, но мы делаем различие между убийством Сакко и Ванцетти в США и осуждением капитала в новые диктатуры Болгарии, завтрашнего палача болгарского народа, каким, несомненно, стал бы Петков, если бы ему удалось захватить власть путем переворота. Шум, поднятый международной реакцией в связи с казнью Петкова, — алопарерный шум. За лицемерным человеколюбием мы видим хищные щупальца американских миллиардеров, генералов, банкиров и дипломатов доллара, которые стремятся разделить мир на два лагеря и подготовить новую войну. И, конечно, их борьба за «демократию», в сущности, борьба за мировое господство, и направлена против национальной и экономической самостоятельности новых европейских демократий и их мощного защитника — великого Советского Союза.

Мы знаем, что любит страна, начавшая захватившую войну, потопит крах, как и гитлеровская Германия. Но мы должны допустить возникновения новой войны, нового уничтожения народов, их материальных и культурных завоеваний.

Вместе с болгарским народом мы, болгарские писатели, стоим на позиции мира и демократии. Мы обращаемся к общественному мнению всех демократических и свободных стран и прежде всего к писателям с призывом бороться за сплочение народных сил против агрессивного империализма, против сторонников войны, против вмешательства во внутренние дела народов, за мир и демократию.

Людмила Стоянова, Георги Караславов, Димитр Осинин, Дора Габэ, Елисавета Багряна, Никола Фурнаджиков, Милан Ясак, Димитр Гундов, Пачо Михайлов, Васил Павлачев, Гюнчо Велев, Димитр И. Полянов, Крум Кюлюков, Николай Райнов, Орлин Василев, Николай Хрелков, Светослав Минков, Тодор Павлов, Христо Цеков-Державин, Ангел Караличнев, Веселина Генюева, Сава Яновски, Георги Цанев, Пантелей Зарев, Павел Деларев.

Собрание сочинений Адама Мицкевича

Редакционный совет Гослитиздата утвердил план издания пятитомного собрания сочинений Адама Мицкевича.

Россия — единственная страна, где было выпущено в переводе полное собрание сочинений Мицкевича. Но, осуществленное еще в конце прошлого века, оно по цензурным условиям не могло включать многие произведения поэта. При советской власти слияния А. Мицкевича издавались на русском языке неоднократно.

Новое издание включает все важнейшие поэтические произведения, политические статьи, статьи о литературе, избранную переписку Мицкевича и, таким образом, даст представление о творчестве и литературно-политических воззрениях поэта.

ИХ ДОЛЛ...ЦИНЕЯ

Аргентинский делегат на Генеральной Ассамблее Ареас заявил: «...В наших жилах течет испанская кровь. Мы проинициуны высоким духом Дон Кихота и предпочитаем обаяние шагу в защиту каких-нибудь Дульциней».

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

Храбрые гитальго из Аргентины, Бразилии и Чили.

Открылась юбилейная сессия Академии наук СССР

Многогрудный, сверкающий огнями и позолотой зал Большого театра. Вместе с Большим залом Кремлевского дворца и Колонным залом Дома союзов он стал традиционным, этот зал. Здесь отмечаются значительные события нашей советской действительности, здесь проводятся торжественные собрания, которые входят по-то в летопись нашей жизни. И не случайной юбилейная сессия Академии наук СССР, посвященная 30-летию Великого Октябрьского социалистического революция, открылась здесь. Наука стала кровным делом советского народа. Праздник советской науки стал праздником всей страны.

Заседание открылось вступительной речью президента Академии наук СССР академика С. И. Вавилова. Вице президент Академии наук СССР академик В. П. Волгин зачитал доклад академика А. Я. Вышинского на тему «Ученые Ленин — Сталина о пролетарской революции и государстве». Академик И. И. Минац сделал доклад на тему «Стратегия Великой Октябрьской социалистической революции». С исключительно высоким участием сессии приняли приветствие товарищу И. В. Сталину и пригласили товарищу В. М. Молотову. Затем академик С. И. Вавилов огласил полученные в адрес юбилейной сессии приветственные телеграммы от академика А. Я. Вышинского и делегации СССР на второй сессии Генеральной Ассамблеи организации Объединенных наций. Сессия продлится до 2 ноября.

Поездка в город Пуль, или несколько частных соображений о праве частной собственности

Сначала две выдержки из записной книжки.

Первая:

«Город в общем не успели целиком взорвать, но опустошить успели, особенно центральную часть. Все разрушено, вывезено, а если не вывезено — изломано на месте. На тротуарах под ногами хрустит стекло выбитых окон, за ноги цепляются оборванные провода. На углу двух улиц вывеска: «Аптека». Оба огромных окна не выбиты, а даже вывешены вместе с рамами. Ветер гуляет через аптеку из одной улицы в другую, пол покрыт сплошным месивом из осколков банок и пузырьков, из остывшей жижи вытекших лекарств. У сорванной двери громадный полукруглый толстый осколок стекла, остаток цветного аптекарского шара. У городского клуба, в котором тоже выбиты все окна и двери, прямо на тротуаре стоит большая кошерный руль. — Должно быть, уже вывезли, но не успели погрузить. Ножи его обмотаны кусками красного бархатного театрального занавеса, что удобнее было выносить — не терло плечи. Двое ребят и девушка, придерживая за углы, везут на маленьких санках целый ворох фанерных листов. Спрашивая: «Иуда?»». — «В аптеку стекла вставлять?» — рассмеявшись, отвечает девушка.»

И вторая выдержка.

«На центральных улицах почти у каждого дома вынуты рамы со стеклами, осколки стекла уже подметены с тротуаров и кое-где кучками лежат у стен. Много снятых дверей. Кое-где двери остались, но с них сняты ручки. Мы заходим в один, другой, третий, в четвертый, пятый дом подряд. Паркет почти всюду начисто снят. На стенах видны следы содранных панелей. Лежат черные стержни труб, радиаторы отогнанные стянты. Общественная уборная в каком-то помещении, пожеванная на кино или клуб — пещура, унитаз сняты и увезены. На углу улицы опущенная аптека. Общественная картинка; оконные рамы вынуты; пол выдран, полая пустыня. Через три улицы почти так же аптека и такая же картинка. Наконец, третья аптека. В ней как раз сейчас вставляли стекла, стоят временный прилавок, и фармацевт отпугивает лекарства. Говорит, что аптека открылась третьего дня.»

Первая выдержка из записной книжки военного времени.

Время действия — зима 1943 года.

Место действия — город Краснополь, только что освобожденный от немцев.

Вторая выдержка из записной книжки вполне мирного времени.

Время действия — осень 1947 года.

Место действия — город Пуль (Пола), только что освобожденный от... то-есть, простите, оставленный английскими оккупационными войсками. Оставленный ими в прелестной зоне «А» и переданных Югославии, согласно разделу четвертому, статье одиннадцатой мирного договора, подписанного правительством его величества.

Город Пуль — Пола — один из крупнейших городов и портов Словенской Истрии — страна, с которой хорватское население составляет и всегда составляло абсолютное большинство. Среди этого славянского края также города-порты, как Пуль или Трст (Триест), власти на протяжении долгих лет искусственно старались заселять с таким расчетом, чтобы в городской черте преобладали националистическая господствующая. Во времена, когда Пуль был австро-венгерской военно-морской базой, его искусственно заселяли австрийцами, а когда он стал городом, принадлежавшим Муссолини, то в нем искусственно старались увеличить число жителей — итальянцев.

Это-то искусственно созданное преобладание нехорватского населения в нескольких городах Хорватии, за пределами которых вообще трудно услышать какой бы то ни было другой язык, кроме хорватского, и дадо повод англичанам и американцам продолжать в этом смысле политику Муссолини, то-есть искусственно создавать в этом простом вопросе дополнительные препятствия, вроде создания прелестной зоны «А», куда до последнего времени входил город Пуль.

Для того, чтобы читателю стала совершенно ясной чуждость и беспочвенность англо-американско-итальянских претензий на эти города Хорватии, он должен мысленно представить себе следующие невероятные происшествия. Предположим, что англичане во время своей интервенции на севере в 1918 году искусственным образом успели заселить, скажем, Архангельск своими соотечественниками, причем сделали это столь энергично, что их оказалось более пятидесяти процентов населения. Представим себе далее, что это население сохранилось и после ухода оккупантов. Наконец, представим себе, что впоследствии на этом основании англичане стали бы вполне серьезно претендовать на то, что Архангельск — английский город, для которого нужно ввести особый статус, выделить свободную территорию и что поскольку самый большой в этом крае город более чем наполовину населен англичанами, то и вообще весь край должен в известной мере являться исконной английской территорией.

Я здесь, конечно, несколько утрирую, нарочно подчеркивая нелепость подобных требований, но, по сути дела, именно представим себе нечто подобное, можно понять, как реагировали и что чувствовали хорваты, когда им говорили, что эти города — итальянские, причем один из этих городов — Триест — им так и не отдан, а другой — Пуль отдала только после бесконечных проволок. (Как теперь выясняется, проволок эти устроили, главным образом, для того, чтобы успеть до передачи «раздеть» город догола и «обшитить» его до нитки).

Я приехал в Пуль через какую-нибудь неделю после ухода английских и американских войск и передачу его югославскому правительству.

Хороший солнечный день, прекрасное, синее и в этот день тихое Адриатическое море, ласковое солнце, чудесная природа и опустошенный, разоренный, с отвратительной и циничной мелочностью ограбленного города.

Я уже привел из записной книжки описание общего вида города. Остается добавить детали.

Старинный театр. Входим внутрь. Занавес выдран, сцена пуста. Кулисы, пратикаби, декорации, осветительная аппаратура — все сорвано, снято, забрано, вывезено. Партер наполовину пуст: все кресла тоже вывезены; в зале — только несколько рядов стульев разных размеров, наслех свежесезненных дощек какин то собрание.

Кинотеатр на улице Кастрополе. Экран отсутствует. Паркет выломан целиком. От-

◆
Константин СИМОНОВ

делка стен содрана, кресла вывезены. Двери сняты. Особенно странно выглядит потолок: одна половина ровного коричневого цвета, другая половина разорвана какими-то пестрыми разводами. Оказывается, коричневая половина потолка — это противопожарный потолок позднейшего времени, разорванная часть потолка — старая. Одну половину противопожарного потолка сняли и увезли, вторую не успели. В ободранном вестибюле висит единственный полуоборванный плакат — реклама биографического фильма о Золя. Боролатый Золя печально смотрит на все окружающее. Интересно, что бы он сказал, увидя все это в натуре? Впрочем, не все ли равно, что бы он сказал. Какое дело ему, что все это разорал, до его устарелых гуманистических взглядов?

Муниципальный детский дом на улице Кило Джованни Грино. Та же картина: выдраный паркет, выбитые стекла, ободраные стены. Впрочем, все это немного скрашивается тем, что оставшиеся в городе рабочие — хорваты и итальянцы — уже два дня как начали ремонт дома. Кое-где уже красят стены, ставят окна. Через месяц здесь снова будет детский дом.

Улица Виа дель Мантрачио, бывший отель «Ривьера», затем государственная таможня, потом общежитие английских оккупационных войск. Все вывезено, пусто, грязно, ободрано. Наружные стены в колоты от вывезенных прямо через окна печных труб.

Еще и еще дома: больница, аптека, столбец, еще одно кино, еще одна аптека, дома жилые и нежилые, общественные места, городские учреждения, различные предприятия, школы, — все ограблено почти в совершенно одинаковой степени.

На главной улице города — огромные, уходящие в небо древнеримские развалины. Когда-то, видимо, эти величественные развалины резко контрастировали с общим видом жилого и шумного города. Сейчас при благосклонном содействии англичан, весь город превращен в нечто, прекрасно сочетающееся с этими древними развалинами.

Что ж, техника идет вперед. Время разрушило древние сооружения в течение тысячелетий. Английские «культуртрегеры» произвели разрушение города в течение какого-нибудь года.

Недалеко от древних развалин на улице, идущей к мору, стоит прекрасно сохранившаяся, величественная триумфальная арка времен Рима. Уж не под этой ли триумфальной аркой победоносного-города двигались к пристани английские машины, нагруженные радиаторами парового отопления и фарфоровыми унитазами, весь город превращен в нечто, прекрасно сочетающееся с этими древними развалинами.

Все это я пишу — не потому, что мне вынуждены особенно опасение будущее судьба города Пуль. Наоборот, за судьбу этого города я совершенно спокоен. Буду я или нет, и паркет, и потолки, и стекла, и двери, и мебель, и кресла в театре, и новые трубы отопления, и новые медикаменты в аптеках, и новые парты в школе, и новые детские кроватки в детском доме. Трудовой и мужественный народ Югославии восстанавливает этот город после английской оккупации с таким же успехом, с какими восстанавливает всю свою остальную страну после оккупации немецкой. В этом я уверен, хотя сделать это будет нелегко.

Я не хочу здесь особенно пространно упомянуть и о всякого рода жестоких, а подчас и кровавых происшествиях, случившихся в этом городе в те времена, когда они находились под контролем английских военных властей и английской полиции.

Я хочу говорить не об этом, потому что, в конце концов, все это, взятое в целом, только частное следствие чего-то гораздо более важного, большего и общего.

А это главное заключается в следующем. Когда вначале по ходу мирных переговоров оказалось, что югославский город Пуль придется возвращать по принадлежности, то-есть югославцам, а затем, когда мирные договоры были ратифицированы и окончательно выяснилось, что ничего уже не переменить и город придется передать в ближайшем будущем, встал вопрос о репатриации всех итальянских жителей города Пуль, желающих уехать в Италию.

Я мог бы написать многое и относительно общего сумм, вылавливаемых на похищенное это пережитие, и относительно нелепой, лживой пропаганды, которая в течение года велась в городе против Югославии и полунасилуемого уноса обманного и полунасильственного уноса простых людей, которым не было ни смысла, ни расчета бросить город. Я мог бы процитировать десятки провокационных газетных статей, полных клеветы, размыку которой позволял бы сам дон Базиллио.

Но я не хочу останавливаться на всем этом, тем более, что об этом уже много и справедливо писалось и в связи с Пулем, и в связи со всей Словенской Истрией, да и в связи с другими местами.

Мне хочется поговорить об ином. В Пуле осталось много итальянцев, главным образом, рабочих, мелких служащих, короче говоря, употребляя наше хорошее советское выражение, — трудящихся.

Много итальянцев уехало из Пуля. Уехали люди, запуганные неизвестностью, ослуженные пропагандой, уехали вопреки своим симпатиям или интересам, волею, по волею и совсем неволею, — история города-нуды разберется в этих цифрах и в этих процентах.

Но из Пуля уехали и такие итальянцы, которые понимали город совершенно добровольно, сознательно, в соответствии со своими интересами, иначе говоря, — уехали охотно. Такие люди были, и почему бы не поговорить о них? Уехал владелец кино на Виа Черчилли. Уехал владелец театра Уехал владелец мельницы, и владелец цементного завода, и владелец верфей и двояк, и владелец больших магазинов, и владелец городских аптек, и много других крупных и средних итальянских капиталистов, во времена Муссолини бывших «отцами города», за счет жителей города накопивших свои богатства, многократно вернувших себе первоначальное капиталовложение и, благодаря своему господству в городе, десятилетиями получавших доходы со всего, с чего можно получить доходы: с рождения — в частном родильном доме, с болезни — в частной больнице, со смерти — в магазине надгробных памятников, с каждой тарелки макарон, с каждого стакана вина.

◆
Все, что бы ни делал человек, давало им доход: родился, болея, умирал, ел, пил, согревался, звонил по телефону, строил себе дом, учил детей.

Но вот выяснилось, что город Пуль неизбежно войдет в состав Югославии, в состав Народной республики, то-есть такого государства, в котором правительство проводит народную политику и в первую очередь соблюдает народные интересы.

И «отцы города» справедливо решили, что одних крупных предприятий они неизбежно лишатся, так как эти предприятия будут национализированы, а другие предприятия перестанут приносить тот доход, который они приносили раньше, ибо народная власть в народных интересах никому не позволит получать ростовщические проценты на капитал.

Сообразив это, «отцы города» решили уехать, правда, прикрыв свои вполне деловые соображения пышными рассуждениями об итальянском патриотизме.

Они стали готовиться к отъезду. Если бы эти их сборы выразились лишь в том, что спутники, покрывшая на горничных, упаковывали свой гардероб, или даже если бы сами «отцы города» сдвинули в собственных квартирах свои и скатывали их в рулоны, — нам не в чем было бы даже их упрекнуть: давно известно, что бережливость (мягко выражаясь) издревле была свойственна богатым людям, чем беднякам.

Но, увы, сборы «отцов города» не ограничивались одним лишь сдвиганием обоев в собственных квартирах и простейшим «демонстражем» особенно полюбившихся ванн и унитазов.

Помимо собственных ванн и унитазов, «отцы города», опираясь на священное право частной собственности, решили демонтировать город в целом.

«Отцы города» достаточно долго получали ростовщические проценты с городского хозяйства, чтобы знать его во всех деталях. Может быть, это нескромно с одной стороны, но по этому поводу мне невольно захотелось процитировать несколько строчек из моей поэмы «Ледовое побоище», написанной десять лет тому назад. В этих строчках идет речь о том, как немцы отступали из русского города Пскова в 1918 году.

Тянули скопом, без разбора
Листы железа с крыш псковских,
Комплект физических приборов
Из двенадцати городов.

Со склада лесоматериалы,
Из элеватора зерно,
Из госпиталей одеяла,
С завода хлебопекарные.

С аптечных складов триста фунтов
Витов, пильол и порошков,
С астрономического пункта
Довольно скверный телескоп.

Окончив все труды дневные,
Под ветром выходял отряд
И ружья медные держал
Сняв со всех дверей подряд.

Кроме слов «псковские крыши», мне нечего было менять в этом описании, если бы я захотел изобразить в стихах главные действия «отцов города» Пуля, совершенные ими под неукоснительным наблюдением и покровительством английских войск, с помощью английских грузовиков и английских пароходов.

Город, переданный по мирному договору законному правительству, город, в котором осталось многочисленное население, был попросту начисто разграблен, на том явлении основании, что все вывезенное из него является «частной собственностью» покидавших его людей.

Можно было бы, конечно, спорить и по поводу формальной точности этого определения, ибо, скажем, разграбленный муниципальный детский дом являлся собственностью не частной, а городской, как и государственная таможня, и многое другое, так что здесь имел место попросту неприкрытый грабеж, производимый даже без всяких предлогов и оправданий.

Предприниматель построил двадцать лет тому назад кинотеатр. За эти двадцать лет кинотеатр посетили миллионы людей, и владелец двадцать раз получил свой первоначальный затраченный капитал. И вот владелец, уезжая из города, забирает с собой двадцать раз оплаченное народом здание: экран, стулья, пол, потолок, стены. Даже фундамент, если он считал для себя полезным его выкапывать.

Уезжает из города владелец больницы, который десять раз содрал с лежавших в больнице людей первоначально вложенный в нее капитал. Он уезжает из города и может вывезти больных на улицу, выдернуть из-под них кровати и, если ему вздумается, — вернуть и самую больницу.

Уезжает из города владелец дохлых домов, домов, в которых жили и живут люди, с которых он сорок лет сдирав квартиру плату, давным давно покрывшую всю его расходу по строительству этих домов. И он считает, что имеет право выдворять окна и сорвать двери, выдирать радиаторы и увезти пол, по которому сорок лет ходили эти люди.

Уезжает владелец мельницы, десятилетиями получавший мзду с каждой «сденки» в этом городе тарелки макарон. И он твердо убежден, что имеет право разрушить мельницу, лишив народ, который десять раз оплатил ему эту мельницу, возможности смолоть зерно, испечь хлеб и приготовить себе пищу.

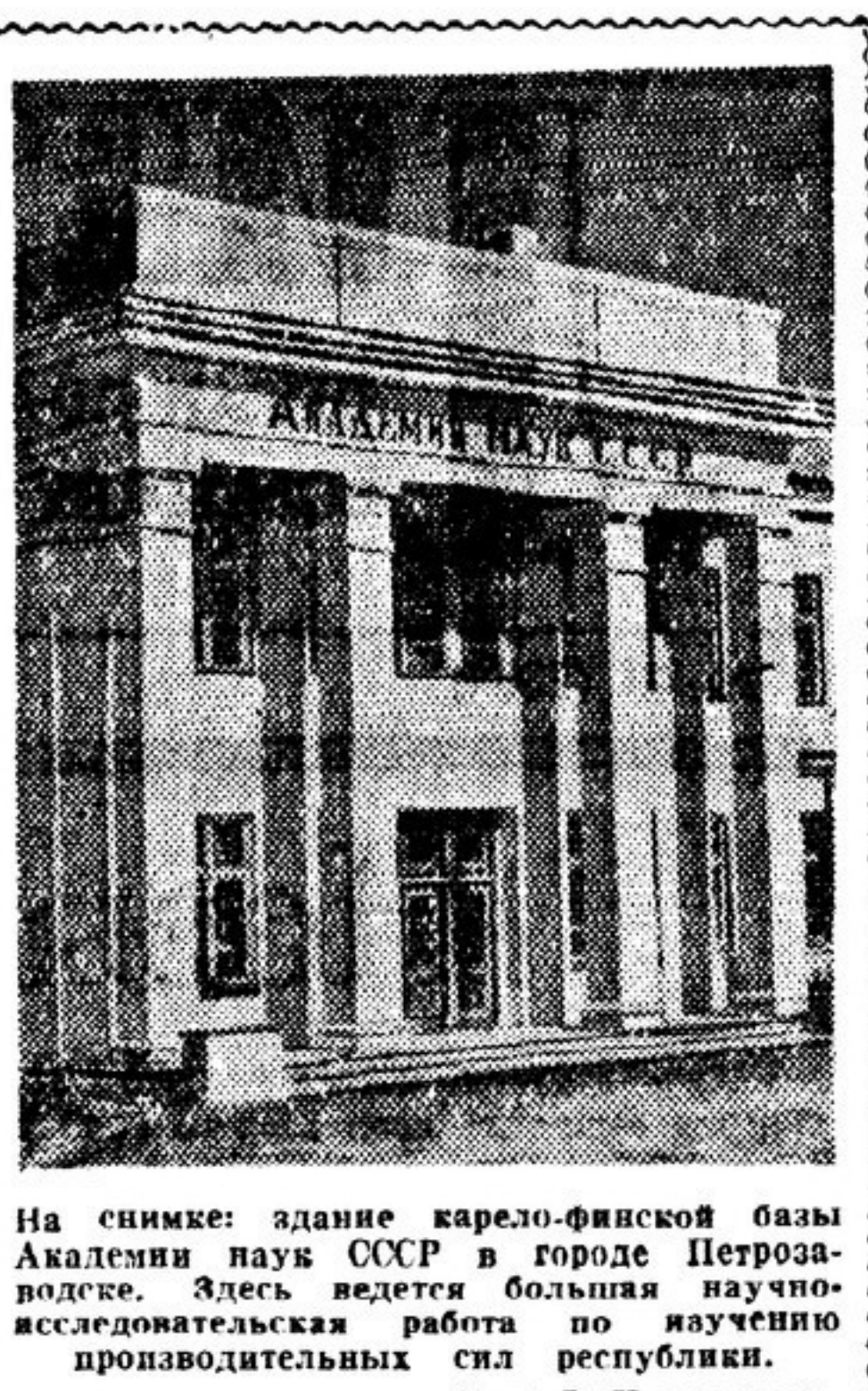
Итак, пред нами «священное» право частной собственности во всем его великолении, во всем его ханжестве и во всем его уродстве!

Бывает иной раз, что в каком-либо одном явлении, как в кадре воды, видишь отражение целого мира. Так было со мной в Пуле. Невероятно уродство капиталистического мира с его чудовищно понапытым, попирающим все права и все интересы народов, правом частной собственности, — хотя в этом не было, в сущности, ничего нового, — все же вновь поразило меня с особенной силой именно здесь, потому что именно здесь все это проявилось необыкновенно наглядно, зримо, осязаемо.

Что добавить к этому?

Добавить надо английских солдат, которые с помощью военной силы обезвечивали этот грабеж, английские грузовики, английские пароходы и английское социалистическое правительство.

Югославия — Москва. Октябрь.

На снимке: здание бразильской базы Академии наук СССР в городе Петрополи, штат Рио-де-Жанейро. Здесь ведется большая научно-исследовательская работа по изучению производственных сил республики.
Фото В. Науменкова.

Факты без комментариев

КРАМОЛА В УЧЕБНИКАХ АРИФМЕТИКИ

Совет по делам образования штата Калифорния признал вредными некоторые разделы представленных на его рассмотрение двух новых учебников арифметики. Эксперты констатировали, что «стремление авторов обучать арифметике на примерах из повседневной жизни слишком часто приводит к весьма грустным выводам о современной Америке», вроде того, что «одна треть населения США не имеет порядочных жилищ и т. д. Совет по делам образования распорядился удалить из учебников арифметики все, что может «привести к неприятностям».

ГРАЖДАНЕ ВТОРОГО СОРТА

Доктор Бенджамин Финч, крупнейший специалист по вопросам школьного образования в США, в результате своих многолетних поездок по различным районам страны собрал обширный материал о плачевном состоянии школьного обучения и положении учителей в Америке.

Большинство американских учителей, утверждает Финч, стремятся перенять уроки профессора с 1941 года 350 000 человек ушло с педагогической работы. Человек ушло не только из числа учителей, учителя жаловались ему на то, что чувствуют себя «гражданами второго сорта», ибо правила, установленные для них местными властями и общественными организациями, налагают на них всевозможные запреты. Дело доходит до курьезов. Учителя не разрешают жениться, одеваться, как им нравится, курить и т. п.

125 тысяч американских учителей облагодетельствованы недостаточной квалификацией: одна треть всего количества педагогов в США имеет лишь среднее образование.

Статистические данные, собранные Финчем, свидетельствуют также о безобразном состоянии школьных зданий, о перегруженности провинциальных школ, где учителям приходится сидеть на полу, о замученности помещений и отсутствии элементарных удобств для учащихся и учителей.

ПОСЛУШАННАЯ ФОРТУНА

Что такое послушная фортуна? Ответ на этот вопрос мог бы дать Харвей Джонс, негр, демобилизованный ветеран второй мировой войны, проживающий в г. Алоски (США). Харвей Джонс купил лотерейный билет стоимостью в один доллар. Простодушная американская фортуна оказалась благосклонной к Харвею Джонсу, и главный выигрыш — новый автомобиль — пал на его билет. Организаторы лотереи сразу же решили исправить оплошность фортуны, осмелившейся перешагнуть через «цветную барьер». Харвею Джонсу сообщили, что автомобиль он не получит. Лотерея была разыграна заново, и припавшая фортуна на сей раз послушно отдала выигрыш белому. Что касается Джонса, то предпринимательские американцы великодушно соглашались вернуть ему доллар, истраченный на билет. («Ньюс-уик».)

Его наградили Гитлер и Трумэн

Статья о бразильском президенте Дутра «Его наградили Гитлер» вызвала в фашистской прессе Бразилии очередь истерических припадков антисоветской клеветы, что, впрочем, несколько не изменило характера этой прессы, поскольку она и раньше предавала этому занятию с большим профессиональным усердием.

Еще в сентябре прогрессивная бразильская газета «Журнал де дебатес» писала: «Достойна сожаления та безнаказанность, с которой бразильская правительственная и фашистская пресса нападает на СССР... Несмотря на установленные дипломатические отношения с СССР, у нас беспрерывно делаются резкие оскорбительные и несправедливые нападки на эту страну, как будто она является враждебным государством... В частности, правительство Дутра поддерживает сейчас антисоветскую кампанию, стимулирует и одобрят оскорбления и нападки на СССР. Как было бы полезно префектуру Рио-де-Жанейро «сидеть в Москве, когда его туда приглашали, и воочию убедиться в позитивном прогрессе, достигнутом советской властью! Может быть, после этого нашей трюмановизированной прессе стало бы стыдно продолжать свою клевету и измышления по адресу СССР».

Антисоветское рвение этой правительственной и фашистской прессы иногда принимает анекдотические формы. Так, например, газета «Борейо да Машля» обвинила сотрудников бразильского радиовещания в «паспальной враждебной деятельности» за то, что вслед за речью господина Трумэна и американским гимном они передали по радио русскую песню «Дубинушка» и симфонию Римского-Корсакова.

Гораздо менее комичный характер носила статья некоего бразильского полковника в фашистской газете «Расао насапола»:

«Нужно, чтобы западные демократии решились на проведение превентивной войны против диктаторского и тоталитарного режима сейчас же, пока еще не поздно или не слишком поздно».

Здесь примечательны не угрожающие угрождения бразильской марionетки, а ее совпадение по фразеологии с мрачными фигурами иностранных реакционных воротил, державших в своих руках нити бразильской политики.

Газету «О Глобо» привело в состояние крайнего раздражения то место в статье «Литературной газеты», где говорилось о лирике, царящей в Бразилии при режиме Дутра. Полемика прием этой газеты довольно однообразен: отборная ругань, в которой «О Глобо», отгадил ей должное, достигла высокой степени квалификации. В фактам она не смеет прикасаться.

А их ловило много и той же бразильской и иностранной прессы.

Так, на заседании бразильской палаты депутатов 9 октября депутат Антонио Силва заявил:

«Трудящиеся Бразилии живут сейчас в обстановке, которая сравнима лишь с положением средневековых рабов».

Бразильский сенатор Претесте в ответившем корреспонденту американской газеты «Нью-Йорк геральд трибун» сказал:

«Трумэн может называть наш народ сильным и процветающим только иронически... То, что они называют голодом в Европе, является голодом для Бразилии».

По сути же свидетельством той же бразильской прессы, из этого состояния полного хозяйственного развала в Бразилии кое-кто извлекает немалые выгоды.

«Дело дошло до того, — пишет газета «О Журнал», — что штат Минас-Жераз оказался вынужденным срочно закупить свиное сало в США, хотя обычно мы его сами экспортировали. Мы привозим сейчас картофель из Голландии и Канады и даже сыпучку получаем из-за границы. Может ли наша страна находиться и дальше в таком отчаянном положении?»

Эта морская держава ввозит рыбные консервы и сушеную рыбу из Канады,

Норвегии и Португалии. Эта трюмаческая страна ввозит виноград из Калифорнии и Аргентины. Эта плодородная земля ввозит шпешипу из США, Канады и Аргентины (ежегодно один миллион десяти тысяч тонн). А та шпешипа, которая возделывается в штате Рио Гранде до Суа, идет в большей своей части на корм свишкам, потому что не хватает транспорта для перевозки ее в другие штаты. За последние 9 лет ввезено из Индии джуута для изготовления мешков на 26 миллионов долларов, хотя в Бразилии произрастает свыше двадцати видов растений, пригодных для выработки мешковины.

«Нам нужны машины, тракторы и грузовики, а не соуса, купальные костюмы и безделушки из пластмассы, — пишет в открытом письме г. Трумэну депутат бразильского парламента Сегадас Бивана (газета «Демокрасия»). — Наша обувная, химическая, алюминиевая, цементная и другие отрасли промышленности переживают кризис из-за американского демпинга. Даже аргентинские кинофильмы не могут демонстрироваться в Бразилии из-за запрета американских деловых...»

Истинный хозяин Бразилии — иностранный капитал.

Именно голосу своего хозяина, а не воле своего народа подчинился президент Дутра, когда разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом, не найдя, между прочим, ничего более умного, чем сослаться в качестве одного из мотивов на статью: «Его наградили Гитлер». Дескать, разоблачено, что портрет не похот. Модель пеняет на зеркало, вороти, согласно посылке, кривую рожу. Для подкрепления некоторые фашистские газеты тут же принятию сорвали, заявив, что статья эта помещена в официальном органе советского правительства «Известия». Кстати, от этой выгоды для фашистов жли не удержались и некоторые английские источники информации, вроде агентства Рейтер и лондонского радио.

Не следует думать, что бразильский народ не поднимает подлинных причин разрыва. Голосу этого угнетенного народа изредка удается прорваться сквозь беззастенчивую реакцию прессы. Газета «Трибуна популар» писала в эти дни:

«...Этих, послуживший мотивом к разрыву, имеет смотворенные масштабы и не выдерживает никакой критики... Как могли бы мы обесчестить миру разрыв отношений с СССР из-за одной газетной статьи, когда наша пресса, находящаяся на службе у империализма, ежедневно наносит ему оскорблений Советскому Союзу и его руководителям? Нет никакого мотива, оправдывающего такую меру; здесь просто воспользовались предлогом... Эта политика поджигателей войны, которая, не найдя поля деятельности в США, где сопротивление организованного рабочего масс сильнее, обращает зате свои орудия в такие страны, как Бразилия, где демократия была полагана заранее. С каждым днем все более усиливается пихта нашего народа, и, как лекарство против голода, болезней и страданий, Дутра и его фашистские советники предлагают теперь разрыв отношений с Советским Союзом. Этот план исходит из устолок бразильской диктатуры американского империализму...»

В заключение должен повторить, что в статье «Его наградили Гитлер» была допущена неточность. Как стало известно, вышедшей осенью Дутра был пожалован от г. Трумэна американским орденом «за развитие идеалов демократического государства». Статье, по справедливости, следовало называться «Его наградили Гитлер и Трумэн».

СССР — как очень нетрудно понять — ничего не потеряет от разрыва дипломатических отношений с Бразилией. Что касается Бразилии, то она понесет от этого весьма ощутимые материальные и моральные потери и окончательно попадет в кабалу к США.

Бразильский народ встретит лаяцкий и антидемократический шаг своего правительства с горечью и негодованием.

Лев СЛАВИН

Двести и одна смерть

Вместо рецензии на американский документальный фильм «200 смертей»

На экране — объективы нескольких киноаппаратов. Рядом с каждым из них стоит оператор и смотрит на вас зловещим взглядом. Диктор объявляет: — Сейчас вы увидите хроникальный кинофильм. Монгаз из всех несчастных случаев, которые улазо заснять нашим оператором. Двести смертей! Двести смертей! На море, на суше и в воздухе! Самые настоящие катастрофы, самая настоящая кровь! Голос диктора захлебывается от волнения: «Вы увидите сейчас нечто совершенно потрясающее!»

На экране мелькает кадры один за другим. Бук поднимают на рога неосторожного торговца. Рушится недостроенный мост и под его обломками гибнут десятки рабочих. Автомобиль наезжает на детскую коляску и давит няньку и ребенка.

Нас начинают охватывать чувства глужелого безумия. Для чего, с какой целью сделан этот фильм? Предостеречь против нарушений правил уличного движения? Вызвать сочувствие к жертвам строительных катастроф?

Пленка крутится метр за метром. Крупным планом заснят селотротное упало летчика-испытателя. Диктор тождественно провозглашает: «Через два минуты от него останется кучка пепла». Самолет взлетает в воздух, затем взрывается и резко падает; через мгновение выпадает бак и на следующем кадре запечатлена облетавшая зплетало кучка пепла. Диктор торжествует: — Мы не обманули вас! Самая настоящая катастрофа!

Двести смертей! Двести смертей! Пелоблестый американский городок. Наводнение. Потоки воды смыывают на своем пути

людей, дома, деревья. На крыше автомобиля стоит двое, «будьте спокойны, — кричит диктор, — они тоже погибнут через минуту!» Действительно, через минуту вода смывает их вместе с автомобилем, и они исчезают в пучине.

Пленка крутится метр за метром. Скачки с препятствиями. «Из тридцати хоккеистов к концу матча уехали только двое». Вот они бегают барьер за барьером и падают, ломая себе шею или попадая под копыта, это современные гладышеры, надеющиеся заработать сотню долларов, если повесят и погибнут не они, а их товарищи. Кот гонки скоростных автомобилей: автомашины влетают в воздух на вырвах или на полном ходу разваливаются на куски. Двести смертей! Двести смертей! Мир еще не видел такого сенсационного фильма! — захлебывается диктор.

Пленка крутится метр за метром. Ргестр рабочей демонстрации. Пожар нефтяных пещер. «Операторы подползи к огню на рекордно близкое расстояние, они стояли даже вперед спасательных команд!» Сталкиваются два автомобиля. В озном из них сидит кинорепортёр-самодуибай. Он крутит ручку аппарата до того момента, пока сам не превратится в меклок, набитый костями. За его смерть родственники получат некоторое количество долларов.

Но, может быть, вы недовольны тем, что не успевают рассмотреть детали каждой из катастроф? Пожалуй, да, вам придется на рекордно близкое расстояние и в этом темпе, какой вы вполне можете наблюдать услуги кадры замедленной съемки. Вот взлетает мотопилка, переопорачивается в воздухе, вместе с мотопилком взлетает какой-то гошшиа-неудачник, и, наконец,

медленно, в салитически-растянутом покае на ваших глазах умирает живой человек. Пленка докручивается до последнего метра. Зажигается свет. «За ваши деньги вы посмотрели ровно двести смертей!», — удовлет

Да здравствует советский человек!

Ленинград — это город с необыкновенно отчетливым чувством истории. Его архив воспоминаний все время в движении. Живой невольный ветер непрестанно овеивает гранитную картушку ленинградских площадей и улиц.

Есть в Ленинграде места, от которых невольно вспоминаешь прошлое. Неизящная статуя на Сенатской площади, не вспоминая о декабристах.

Неизящная статуя на Сенатской площади, не вспоминая о декабристах. Нельзя пройти по Мойке, не подумав о Пушкине.

Нельзя взглянуть на набережную Красного флота, не вообразив себе «Авроры». Нельзя приблизиться к Финляндскому вокзалу, не представив себе Ленина.

Петербург — Петроград — Ленинград — все это суть вехи развития этого удивительного города.

Но в Петербург и Петроград должны быть потеснены, давая место Ленинграду — колыбели революции.

Скромный рабочий клуб на Выборгской стороне, как медаль, висит на себе мемориальную доску о прошедшем здесь VI съезде партии, явшемся исторической вехой в ходе революции.

Мировой период революции кончился, — сказал тогда в своем докладе Сталин, — наступил период не-мирный, период схваток и взрывов». В Ленинграде здравствуют еще люди, слышавшие речь Ленина с броневика, по площадям Финляндского вокзала. Проходя по площади, ленинградцы видят это событие запечатленным в бронзе.

Высший капитан «Авроры» руководит воспитанием мальчишек. Есть в Ленинграде места, дважды, трижды прославленные, как бы непрерывно омываемые живой водой героизма, мужества, любви к родине, преданности революции.

В 1917 году стачка пушкарей послужила грозным толчком, повзвизавшим царский трон.

Во время Великой Отечественной войны Путиловский, ныне Кировский завод, имея рядом с собой передний край обороны, оснащенный вражескими снарядами и бомбами, выпускал танки. Времени для их предельных испытаний не было. Танки Кировского завода с честью выдерживали испытание прямо в бою.

Сейчас, в дни новой сталинской пятилетки, Кировский завод работает уже не для войны, а для мира.

Вместо танков, борющихся фронтные дороги, он выпускает особые трактора для лесной промышленности, первые в Советском Союзе. Впервые после войны завод изготвил и сдал мощные турбины.

900 дней длилась блокада Ленинграда. 900 дней Кировский завод был в бою. Приполюсывая вид его полуразрушенных и обгоревших цехов, совсем по-особому воспринимается сообщение о законченной заводу раньше времени годовой программе.

Вырастивший в своих цехах неслыханную породу питерских большевиков, зачленивших революцию в Петроград и боец Ленинграда — таких «послужный список» этого завода, носителя имя Сергея Мироновича Кирова. Годы блокады... Тут уже вступалась в зону личных воспоминаний. Многие здесь увидели собственными глазами.

Как не вспомнить хотя бы Ботанический сад. «Путиловский меридиан, в нескольких толках пересекающий Ленинград, проходит по газонам Ботанического сада», — записано в моем дневнике.

«Зеленой нитью прошел Ботанический сад — сквозь всю мою жизнь в Ленинграде. Он встретил меня в августе 1941 года и провожал в мае 1944-го», — писала я. «Были в Ботаническом саду», — записала я 19 апреля 1942 года. — Меня про-

вели по оранжевым и показав мертвые пальмы. Было невыносимо горько, что я не видела их при жизни».

Восстановление Ботанического сада началось еще тогда, когда город был блокирован.

Во времена же снятия блокады в оранжевых садах появилась новая порода. «Блокадный» банановый молодой уже так высок, что листья его упираются в стеклянную крышу теплицы, — отмечала я весной 1944 года.

Научные сотрудники Ботанического сада рассказали мне тогда, что понадобится не одно кругосветное путешествие, чтобы вновь нанознить сад тропическими растениями.

Как далеко казался тогда конец войны! И как совсем уже необразимо далеко были эти кругосветные путешествия.

Теперь, спустя три года, мы узнаем о возвращении в Ленинград ботанической экспедиции из Южной Америке.

И в воскресный день ребенок, начавший говорить в уже освобожденном Ленинграде, попросит мать: «Мамочка, пойдём посмотрим пальмы!..»

Мы храним в своей памяти суровый облик Ладозского озера, этого «северного шата» Ленинграда.

Если бы из льда можно было высекать памятники, то лучшим памятником был бы здесь ледяной обелиск с именами шоферов, доставлявших по ледовой трассе продовольствие осажденному городу.

Странные воспоминания... А сейчас в самой северной части Ладозки, на так называемом «Острове цветков», находится питомник Всесоюзного института растениеводства, где в этом году нашли себе приют образцы культурной флоры всего мира, 3 000 разновидностей льна. Особые сорта яровой пшеницы, пригодные для Ленинградских областей. И этот маленький остров (площадь всего в 32 гектара), затерянный в студеных ладозских водах, превращается в символ нашей цветущей родины.

Я нахожу у себя записку о Петергофе. «Петергофский дворец разрушен так, что никакими человеческими силами уже не воскресить его. Карабкался по обломкам, мы вышли на то, что уцелело от большой террасы, и долго глядели оттуда на мертвую «саллею фонтанов», уходящую к морю».

Мертвая аллея фонтанов... Но она уже не мертва, эта аллея. Возродили и знаменитый «Самсон». Многие фонтаны оживили по рукам советского скульптора. Вылепленный сначала из глины, затем повторенный в гипсе и, наконец, отлитый из бронзы, дрыгался «Самсон» по ленинградским улицам, направляясь в Петергоф.

Это было настоящее триумфальное шествие победителя.

С великим тщанием восстановленный по прежнему образцу, «Самсон» обрел все же нечто новое. Какле-то более мужественные, более действительные черты.

Но наиболее, быть может, возмущющим является начало возвращения к жизни Путиловской обсерватории.

Расположенная на Пулковских высотах, доминирующая над городом, эта всемирно известная обсерватория совмещала в себе величайшую научную ценность с важной ключевой позиции на близких подступах к Ленинграду.

В начале осени 1941 года попасть в Пулково было уже невозможно. Сразу же

ва Средней Рогаткой начинались сторожевые охранения. Шестиглазы противотанковые ежи, черная рысь: это был фронт.

В обсерватории находились приборы столь совершенные, столь чувствительные, что они реагировали даже на приближение человека. На них влияло тепло, издаваемое человеческим организмом. При установке этих приборов были приняты все меры, чтобы никакое, даже самое минимальное сотрясение почвы не нарушало их покой.

Здесь работали крупнейшие советские астрономы. Здесь была сконструирован прибор, благодаря которому сама звезда «засекала» время своего прохождения через определенную точку. Это были точнейшие часы мира, необходимые для «службы времени». Это была подлинная служба советской науки своему времени, своему народу, своему социалистическому государству.

Во время войны прибор этот был спрятан в подвал Палаты мер и весов. Теперь ему снова будет возвращено небо, для которого он создан. В одном из отделений обсерватории будет в скором времени установлен фотографический рефрактор-гигант, самый большой в Европе, чьи стекла весят свыше 12 пудов...

Немцы обрушили на Пулковские холмы тонны металла. Они содрали их до основания.

Попав в Пулково сейчас же после его освобождения, я писала: «Все сожжено, разорено, разбомблено. Здания в развалинах. Весь Пулковский холм иррит близлежащими и траппами: это наши. Но тут же, по другую сторону холма, уже были немцы».

Их близдажи и траппы в полном смысле этого слова упирались в грудь нашим частям. И все же немцы ничего не могли поделать.

Разрушенное Пулково прошло перед нами на пелоне короткого зпичного дня, как сумрачное видение...

4 октября этого года вступил в строй первый из восстановленных объектов Пулковской обсерватории — павильон службы времени.

Выездная сессия ученого совета Главной астрономической обсерватории Академии наук СССР отметила это событие. Многие сотрудники обсерватории, здесь присутствовали еще представители партийных и советских организаций. Была здесь и те, кто восстанавливает здания обсерватории, — строители. Наверное, находились здесь и те, кто сражался на этих же Пулковских высотах, те, кому вражеские траппы и близдажи «упирались прямо в грудь».

У подножья Пулковских высот, залитый светом, согретый теплом, полный созидательного труда, расстилался неподвижный, прекрасный горот, выстовивший некогда юную революцию и теперь вместе со всей страной пульсирующий ее триплатитетом.

А само Пулково — уже не «сумрачным видением» военных лет встает перед нами, полное звездного света творческой мысли.

Сбылось то, о чем думали, во что верили, во имя чего сражались вдохновляемые великим полководцем Сталиным ленинградские бойцы. То, о чем мечталось и нам, поетам.

Но час придет. Не будет ни окопов, ни пушечных, ни пулеметных гнезд. Мы вновь найдем жерла телескопов По золотым ориентирам звезд.

Опять прославим солнца торжество, Луниную энергию его.

Да здравствует великий русский горот, С энергией невиданной дотоль!

Да здравствует энергия, в которой Спресованы десятки тысяч волей!

И насажда, омые и в том, Да здравствует советский человек!

М. ШКАПСКАЯ Царица Алтая

Привет земля, Шумят хлеба, шумят дуга покосы... — Так вот страна моей судьбы — поля мои колхозные! (А. Недогонов).

Бывают такие книги: и неужелю, и много формальных недостатков, а читаешь от первой до последней страницы, не отрываясь, и забываешь, где находишься, и обогащаешься.

Такова повесть С. Крушинского «Алтайский хлеб». В чем же секрет Крушинского? Прежде всего в том, что он хорошо знает свой алтайский хлеб. Потому и написал о нем с тем знанием деталей, с тем ароматом подлинности, который заставляет запомнить людей, хотя они не дорисованы, и верить рассказанному, хотя оно не всегда мотивировано.

Но знание материала — только одна сторона дела.

«Факты — ничто и одно знание фактов тоже ничто», — писал Белинский, — все дело в разумении значения фактов», — все дело, как писатель «переведет факт на идею».

Вот этот перевод фактов на идею, сделанный горячо, но не навязчиво, и является второй сильной стороной повести.

Хлеб, да еще алтайский! К актуальной теме — актуальная география!

Алтай — еще недавно край ветра и беркутов. Старикам там до сих пор еще помнят, как пахли ковыряли землю. Теперь это край передового хозяйства и невнятных урожаев, край новаторов и селекционеров.

Царица Алтай — пшеница, вещноносная культура.

Алтай выручил страну в прошлые неурожайные годы и не только дал нам двенадцать миллионов пудов хлеба сверх плана, но и поднял такую волну соревнования, что даже Минская область, превращенная немцами в зону пустыни, нынче собрала со своих полей хлеба больше и раньше, чем обещала.

А ведь хлеб — это не только изобилие и сытость. Хлеб — наш общий плану Маршала Борова за мир разветвляется и на пшеничных полях.

Наш хлеб — дитя социалистического труда и большевистской воли, хлеб свободного человека — это мир в движении, мир, наступающий на войну.

Рождение этого хлеба — вот тема Крушинского. Она и проста и небытия.

Наши писатели — Н. Вирта, В. Овечкин, С. Бабаевский, А. Недогонов — не раз брались за эту тему: мир — хлеб — колхоз. На смену героям Сталинграда пришли герои социалистического труда. Часто это — те же самые люди.

Таков и герой повести Крушинского — Игнат Масленников, деревенский коммунист, вчерашний солдат. Рыдовым прошел он свой путь до Берлина.

В повести Крушинского, если хотите, все рыдовое — и герой, и колхоз, и чувства, и поступки. И в то же время, прочитав ее, хошь сказать словами Маяковского: «Я знаю — горюл бюджет, я знаю — саду цветет, когда такие люди в стране в советской ести».

Детали, создающие образ Игната, неторопливого решительного хозяина, «не стрекочного юва», накапливаются с первых же страниц. Он только что пришел с фронта, оба с женой в счастливом тумане, она даже не примерила обнов, он не соорбажает —

С. Крушинский. «Алтайский хлеб». «Новый мир», № 9, 1947.

послана ли еда, но уже заботливо спрашивает, — не бривают ли дожди крышу? И Наталья отвечает с той же счастливой улыбкой, что пробивают. И он колит по пому с топором, укрепляя коски и скамейки.

Но забота о доме быстро переходит в заботу о своем большом доме-колхозе.

Игнат — снова председатель колхоза, но колхоз не тот, за время войны многое расшалалось.

Из бесед с бригадирами, из разговоров с женой, из намеков односельчан перед Игнатом постепенно возникает безрадостная картина: шорник чинит сапоги на стороне, а хомути в колхозе равные; бараны и свины ушли к заводскому райзо Песечко- на жаркое. На колхозных землях — частные огороды районного начальства.

Пасека ести, а меду три гола ни капли. И все это легло на трудящие, обещенные Игнату, Поштому и дисциплина ушла.

Игнат ищет виновников. Вот первый из них — Семибратов, бывший председатель колхоза, бывший его учитель, бывший активист, но все это бышнее, как и сам он — бывший человек. Он не рос вместе с эпохой и людьми. Чтобы не потерять авторитета, он зангиивает у начальства, окружает себя «полезными людьми». Одному посадит помидоры, другому сунет барана.

Неподолая и второй виновник — Николай, тесть Игната, председатель селсовета, к которому ушел мед с колхозной пасеки; он не постеснялся забрать себе и колхозный выезд. Это слабовольный человек, на старости лет попавший под влияние пустой мешанины.

Игнат начинает с малого: он прекращает разбазаривание колхозного меда и затем постепенно идет дальше — ликвидирует огороды начальства, жестоко бьет по рукам тех, кто намекает на «благодарность».

«Думаю я в сроки выполнить все поставки — разве это не благородство от колхоза?» — с достоинством говорит он Песечко- кому.

Зорко следят за разветвляющейся борьбой тысячи глаз. Все становится важным — и мед, и баранина, и выезд. Риснет ли Игнат на конфликт с «полезным человеком» Песечком или нет? А если рискнет, то чья возьмет?

«Начальство наше не прывкнул, чтоб с ним так обращаться!», — предупреждает Игната. Недаром Наталья тревожилась, как справиться Игнат в этой сложной обстановке, на и получила превосходный ответ: «В Берлине не растерялся, как и нибудь в Лужках не пропадем».

В борьбе с расхитителями колхозного добра Игнат не одинок. Вся сила его в том, что он опирается на людей, причем на лучших работников, — это безошибочный критерий.

Линию свою Игнат ведет настойчиво, умно и тактично, постепенно перетягивая на свою сторону лучших.

Игнат, в противоположность Семибратову и тестю, весь в завтрашнем дне. Завтрашний день — это и перспектива, и предвиденье, и государственное мышление. У него на стене чертежи Новых Лужков, и Наталья знает — если он не спит, значит, думает о будущем колхоза. Недаром, несмотря на трудности, в самый разгар борьбы — и именно как средство борьбы — задумывает он постройку электростанции. Недаром занят трудом — вода в Кулудинской степи — это ее будущее.

Иногда Игнат ошибается — например, в столкновении с инженером Возовальным. Но ошибок делают его образ только человек, потому что он исправляет их так-

тично и благородно, и потому что, даже ошибаясь, остается человеком новой морали. Мир Игната — это новый мир. И не только потому, что светят по ночам в поле фары комбайнов, что селекция вошла в быт колхозники тети Дуни, а потому, что изменился сам человек.

Борьба Игната за новый колхоз неразрывна с другой большой борьбой — с борьбой за спасение урожая.

Стоит это урожай недешевое. Люди сели по ночам и вообще работали на совесть. Но едва начали уборку, как хлынула дожди.

Трудно было работать в такой обстановке: рвутся косы лозореек, молотилки давятся влажными колосьями. Но колхозники не сдаются.

Картина великого сражения, не уступающего фронтному, складывается из мелких и правдивых деталей, поэтому она особенно убедительна.

Как раз в это время и узнает Игнат, что в России сухой высушил хлеб, что укрепление восточных границ — то, чем Игнат занимается с момента приезда, — первоочередная задача, что к ним в колхозы для ознакомления с ходом уборки от имени Сталина приезжает министр.

У Игната, как говорят колхозники, характер безстрашный, но тут и он оробел, вида, как министр собирает в буклет потерянные при уборке колоски. Впервые понял он во всем объеме и свою ответственность за каждый такой колосок.

Когда ночью в Доме колхозника, где собрался все председатели колхозов, возникли у них мысль написать письмо И. В. Сталину, она кажется такой естественной. Народ хочет сказать своему вождю, что хлеба они дадут в будущем году «еще побольше», и для этого будет сделано все необходимое.

Это не только письмо, это сердечный разговор со Сталиным. Сцена, когда Игнат обзвывает свои бригады, собирая подписи колхозников, написана тепло и проникновенно.

Издания советских энциклопедий

В ближайшее время, как сообщил нашему сотруднику директор Государственного института «Советская энциклопедия» профессор Ф. Петров, подписчики получат последний, 52-й том Большой советской энциклопедии. Этот том включает краткую биографию Иосифа Виссарионовича Сталина, статью «Социализм», «Социалистическое строительство», «Социалистический реализм» и др.

К 30-й годовщине Великол Октябрья выйдет дополнительный том БСЭ — «СССР». Его обем — 175 авторских листов. Среди авторов статей — академики А. Вышинский и С. Вавилов.

Таким образом, издание БСЭ, затянущееся на 21 год, завершено.

Скоро открывается подписка на 3-е издание Малой советской энциклопедии. Объем каждого из 10 томов — 100 авторских листов. В новом издании, включаемом 40 тыс. слов и 3 тыс. иллюстраций, увеличивается число статей посвященных философии, истории СССР, новейшей истории, советской науке, советскому искусству, советской литературе. Значительно шире будут освещены вопросы истории и культуры национальных республик.

Тираж нового издания МСЭ более чем вдвое превышает тиражи предыдущих изданий (200 тыс. слово 90 тыс.). 1-й том уже находится в производстве и выйдет в начале будущего года. Все издание будет закончено в течение трех лет.

В 1943 году тиражом в 10 тыс. экземпляров вышел однотомник «Краткой советской энциклопедия». К началу наступавшего года поступит в продажу переизданное, дополненное и иллюстрированное второе издание однотомника. Объем его — 170 авторских листов. Тираж — 100 тыс. экземпляров.

Еще в первые годы советской власти В. И. Ленин выдвинул задачу создания советского однотомного популярного энциклопедического словаря. Государственный институт «Советская энциклопедия» готовит сейчас такой словарь к выпуску. Он выйдет в 1948 году полумиллионным тиражом. Объем словаря — 225 авторских листов. Словарь включает около 4 тыс. иллюстраций в тексте и текстовых карт.

Лев КАССИЛЬ

если она целиком «замкнута на себя». Стихи должны облекать личные мысли и чувства, обнаруживая сегодня молодого гражданина Советской страны, в точные действительные слова. Они должны помочь перевести политические звучание современности на язык личных чувств. Наблюдая за молодым сегодняшним читателем, читал его письма, следя за его отношением к литературе, я всюду пахожу прежде всего эти справедливые требования. Недаром сейчас опыт с новой силой пробуждает восторженный интерес молодежи к Маяковскому, к его лирике, где всегда была личная тема включена в сеть высокого революционно-публицистического напряжения.

Утверждают, делаются все более решительными эти черты нового читателя, воспитывающегося на лучших произведениях советской литературы, написанных за три десятилетия советской эпохи.

На том разном вечере, о котором пла ричнее в начале и где еще раз хорошо помнят многие из этих черт читателя, молодые производители свободно складывались в своих речах на произведения, которые давно уже стали известными всей нашей молодежи. Говорили и о «Молодой гвардии», и о «Повести о настоящем человеке», и о «Спутниках», и о книгах Аркадия Гайдара, говорили с любовью, как о чем-то очень близком и дорогом, о чем-то своем. Но когда речь заходила о сегодняшней поэзии, то большею частью с трибуны слышалось:

— У нас в общежитии (или у нас в пехе) ребята стихами как-то в последнее время не очень сильно интересуются.

Некоторые выступавшие объясняли это тем, что поэты наши еще не написали стихов о восстановлении городов, о новостройках, о послевоенной пятилетке и т. д. Тут сразу зашел разговор и о прозе: ведь все упомянутое выше книги прозаиков тоже написаны не на листах сегодняшнего календаря. Эти книги о людях в Великой Отечественной войне. А они поощряют волевого читателя, остаются его настоятельными книгами, и молодежь жадно зачитывается ими. Значит, дело тут не в том, как хронологически датирована тема, а в том масштабе, в котором она разрешена. Мне думается, что во время войны советская поэзия была самым передовым участком на общем литературном фронте. Вспомним, как переписывались в походные тетрадки, вкладывались во фронтные письма, заучивались внаудочку стихи Симонова, Суркова, Исаковского, как горячо принимались поэмы Твардовского, Антокольского, Алгир-Эти стихи были такими же властителями уми и сердца, как статьи Алексея Толстого, Навя Эренбурга, публицистические письма Бориса Горбатова. Художественная проза, более мелкая, не могла тогда поспеть за стремительной публицистикой и оперативной фронтной лирикой. Но зато проза тогда собралась в обобщить все то, что выкристаллизовалось в душе народа, в чем отразились и величие нашего времени, и мощь нашей советской родины, и образ человека социалистической культуры.

Естественно, что книги, отмеченные этими чертами, продолжают и сейчас оставаться повестителями духа и чувств.

Читатель ждет в новых произведениях о послевоенной жизни народа, о восстановлении, об неподалеком творческом размахе, с которым осуществляется новая пятилетка. Читатель, внимательно оглядываясь международные горизонты, видя, как ополчаются на нас идеологи империализма, хочет взглянуть во все концы мира. Публицистика сейчас снова привлекает особое внимание читателя, так как она более мобильна и оперативна.

— Но почему в газетах совсем почти не печатают политических стихов? — спрашивали нас комсомольцы на том же вечере. — Помните, как Маяковский грозился зарубить своих противников, буржуев, социал-лакаев? Почему в «Комсомольской правде» нет таких стихов?

Сатирические стихотворные памфлеты Маршак, Михалкова пользуются большим успехом, передаются из уст в уста, как только они появляются в печати. Читатель ждет и от других наших поэтов тонких, эмоциональных, запоминающихся стихов на большие, всех нас волнующие темы, на темы великой борьбы за мир, за достоинство народов и человека. С благодарностью принимае читатель даже самое маленькое стихотворение, если а нем поэт сумел ярко, в убедительном поэтическом сопоставлении раскрыть светлые величие нашего мира и дружбу, злобную низость враждебных нам идеологий. Недаром, например, слышал я столько добрых отзывов молодых читателей о маленьком, не всеми замеченном стихотворении И. Смелякова, где ясноглася пионерка смело противопоставлена «статуе Свободы» с автономным святилищем в руке...

И во всем, что слышим сейчас, разгоравшаяся с молодежью на литературные темы, о чем пишут тебе в письмах из школ, институтов, ремесленных училищ и заводов, входящих приметы нового читателя, читателя-патриота, читателя-революционера — одновременно и адресата в героя наших книг.

Приметы нового читателя

На днях мне довелось нести обязанности председателя на одном литературном вечере. То была встреча молодых с молодыми. Молодые поэты, студенты Литературного института, читали свои стихи комсомольцам одного из районов Москвы. Добрых две трети переполненного зала составляли молодые производители, пришедшие с предприятый района. Аудитория была благодарна — внимательная, жадная, отзывчивая, готовая разом встретиться от каждой строки, берущая за живое.

Когда сидишь на таком вечере за столом президиума, всегда имеется возможность наблюдать все происходящее на эстраде и в зале невозможно со стороны. И я с пристрастием гляделся в лица юноты, девушек, подростков, сидевших перед нами, стараясь все время регистрировать для себя, так сказать, температуру зала.

Я даже натерял некую кривую, выражающую моменты особого накала или охладительной аудитории. Выступали поэты разного уровня литературного мастерства, но в основном таланта, и стихи читались довольно разнообразно. Как всегда, молодежь радовалась возможности посмеяться и отично принимала веселые песни. Затихнув, подождав голову на плече подруги, слушали девушки лирические стихи. Куже ходила произведений чисто пейзажных, исполненных созерцательного отношения к природе, людям, событиям. Когда на трибуне начинали провозглашать, может быть, очень оригинальные, но уже чрезмерно усложненные образы, в зале возникал дружный скрип стульев и обостренный интерес в двострам

и легче потакала... Все это, в общем, подтверждало те наблюдения, которые давно уже насонились у каждого, это так или иначе постоянно связал с нашим сегодняшним молодым читателем.

Перед началом вечера устроители его предупредили нас, что аудитория будет, главным образом, производственная, в поэзии мало искусственная, и надо бы читать ей вещь полегче, повеселее, полчиричнее, чтобы «не отпугнуть молодежь и пристрастят ее к поэзии». По один из молодых поэтов оиздал к началу и не слышал этого предупреждения. Выступать ему пришлось в конце вечера, когда аудитория была уже несколько опьянена. А он прочитал очень серьезные публицистические стихи, полные искреннего гнева, гражданского негодования и раскатанного сарказма. Стихи были направлены против тех, кого мы теперь общаем под исчерпывающим общим обозначением — поджигателей войны. Ощущение было такое, что в зале все разом перестало дышать. А едва поэт закончил, зал грохнул вневостой овацией. На мой взгляд, где я отмечал реакцию аудитории, нехватало места, чтобы вычеркнуть и резко вскинувшись вверх кривую. Зал требовал новых стихов молодого поэта, который сумел сказать в них то, что слышал в себе каждый из присутствующих, но не умел это сказать и наглядно сформулировать.

И вот на трибуну стали выходить молодые рабочие, работный, студенты, учащиеся ремесленных училищ. Молодые поэты пришлось слушать немало упреков в том, что поэзия их несколько задерживалась на узко военных темах, грешит иной раз нотками самолюбования и в некоторых случаях носит отпечаток кое-кому полюбившей поэты, которая сейчас кажется уже откровенной рисовкой.

Один из первых на трибуну деловито поднялся очень маленький, но ладно скропленный и крепко сложенный паренек, смущенно трянуля светлым халатком, убрал за пояс все складочки форменной гимнастерки «ремесленника» и сказал так: — Я не собираюсь выступать. Но у меня ести вопрос к председателю. Вы читали «Молодую гвардию» Фадеева?

В зале замялись: кто же, в самом деле, не читал «Молодой гвардии»! — Если читали, — продолжал паренек, — то скажите, как вы считаете; из Ваня Земнухова, если бы он не погиб, былучился бы знаменитым поэтом?

И тогда в зале азартно зашумели... Конечно, получилось бы! Да, именно из таких и должны вырастать настоящие советские поэты, которые, как говорил Маяковский, и в жизни должны быть мастаки. Образ краснодонца Ваня Земнухова, писавшего, пусть еще неужелю, во всем жаром молодого революционного сердца, — стихи о самом дорогом и заветном и поднимом доказавшего правоту своих строк, видимо, сливалась в представлении ремесленника с идеальной фигурой советского поэта. И услышав утвердительный ответ, паренек, довольный, покинул трибуну, убежденно трянуля головой:

— Да, — громко и уверенно сказал он, — а я тоже думаю, что из него выйдет бы знаменитый поэт!

Этот короткий разговор еще раз как бы осветил те требования, которые сейчас предъявляет писателю наш молодой читатель. Ему тесно в узко лирической теме,

Заметки об Англии

В июле в Оксфорде состоялся 17-й по счету, первый после войны, международный физиологический конгресс.

А. ПАЛЛАДИН,
президент Академии наук УССР

В состав советской делегации, отправившейся на конгресс, входили академики Орбели, Быков, Бериташвили и я, член-корреспондент Академии Наук СССР Коштинский, член-корреспондент Академии медицинских наук Федоров и профессор Петров; с нами были секретарь и переводчик.

До Берлина мы летели без всяких осложнений. Первая заминка произошла перед самым отлетом в Лондон: на берлинском аэродроме, находящемся в английской зоне оккупации. Несмотря на то, что еще накануне в Москву предупреждали о предстоящем прибытии советской делегации и дали сведения о численности ее состава, нам было заявлено на аэродроме:

— Мы можем предоставить вам только четыре места. Остальным членам делегации придется лететь на следующий день. Нам это очень удивило. Мы не привыкли к такому стилю гостеприимства. Когда к нам прибывает какая-нибудь делегация, таких разговоров не бывает. В случае необходимости у нас предоставляются специальные самолеты, а здесь нам предложили разделиться. Мы запротестовали. Тогда англичане предложили «выйти» из положения: «снять» самолет за наш счет — за 400 фунтов стерлингов. Дело кончилось тем, что мы разделились на две группы.

«Заблужденное» отношение к нам со стороны английских властей мы проложили чувствовать в дальнейшем. Так, при посадке на самолет каждый из нас должен был заполнить по две анкеты. В Гамбурге после проверки паспортов нам предложили беззастенчиво находиться в помещении ресторана на аэродроме. Приглашение в ресторан мы сначала наивно истолковали по-своему. Но истина не замедлила выйти наружу, когда мы сделали попытку спуститься с этажом ниже. Тотчас же нам было предложено вернуться обратно. Когда мы выразили удивление, часовой, оказавшийся немцем, заявил нам, что англичане отняли распоряжение — никого из пассажиров не выпускать из ресторана на территорию аэродрома.

Наконец мы прибыли в Лондон. В самолете перед посадкой в Лондоне нам снова раздали анкеты. Первые вопросы в этих анкетах нас очень удивили: «Где вы провели ночь перед полетом в Англию? Где вы провели предыдущую ночь? Предыдущую ночь?» Такие сведения мы должны были дать о семи юках. Эти анкеты мы сдали на аэродроме в Лондоне. Удивляла нас очень и атмосфера, окружавшая конгресс от начала до конца. Это была совершенно непривычная для нас, советских людей, атмосфера абсолютного равнодушия к работе ученых. У нас научные конференции и съезды всегда находились в центре внимания общественности, всей нашей страны. Советское правительство создает самые лучшие условия для участия конференций, их работа систематически освещается в печати, газеты помещают отчеты и фотоснимки. Союзкинохроника выпускает специальные номера киножурналов.

Иначе обстояло дело в Англии. Физиологический конгресс был обведен полным молчанием английской печати. Лишь в одной газете промелькнуло буквально несколько строчек о предстоящем его открытии. Мы не видели в провинции, где проходил конгресс, журналистов, не видели фотоператоров, кинооператоров. Для правительства, для работников печати этот конгресс был личным делом тех, кто его организовал, — организовывал на членские взносы, собранные со всех делегатов конгресса.

Какой контраст тому, что мы видим у себя на родине, где наука стала повсюду кровным делом миллионов тружеников, всего народа, где правительство не щадит никаких средств, чтобы двигать науку вперед!

Разница в отношении к ученым в нашей стране и в капиталистических странах ярко проявилась в таком, например, факте: мы, советские ученые, при поездках по Лондону не пользовались поездами, к стати, в Англию очень устарелыми, травмами, автобусами или метро — грязным и неаккуратным, ибо наше посольство обеспечивало нас все время автомашинами. Делегаты из других стран, в том числе и США, этой помощи от своих посольств не имели.

В Оксфорде все делегаты были размещены в студенческих общежитиях, именуемых колледжами. Нам позарез, что в комнатах этих отсутствует водопровод. В каждой комнате находились та, кувшины и ведра. В колледжах существуют общие столовые, где питаются студенты и профессора, живущие в этом колледже. В таких столовых питались и мы. Это — большие длинные комнаты, где стоят простые, ничем не покрытые массивные столы и деревянные скамьи, очень тяжелые, ничем не обитые.

Открытие конгресса состоялось в 9 часов 15 минут утра в здании, где обычно происходит торжественные собрания университета. Процедура открытия длилась 45 минут. Затем начались научные заседа-

ния. Занятия протекали в девяти секциях, на которых было прочитано 360 докладов. Такая повестка дня делала работу конгресса непродуктивной. 54 заседания, доклады, сменяющиеся, как в калейдоскопе, — где уж тут за всем этим уследить? Намного только, что у нас мы часто возвращаемся, когда на научных совещаниях планируется работа в трех секциях, а тут сразу целых девять!

Следует отметить, что все делегаты Оксфордского конгресса проявили живейший интерес к нам, советским ученым. Все выражали свое удовлетворение тем, что мы включились в работу конгресса и что они, наконец, более подробно узнают о тех огромных достижениях советской физиологии и биохимии, о которых так много слышали. Наши доклады были поставлены на секциях первыми.

Но и тут не обошлось без борьбы. Перед нашим выступлением нам был задан вопрос: на каком языке мы собираемся делать наши доклады — на английском, французском или немецком, считающихся официальными языками конгресса. (Немецки, разяснили нам, оставлен якобы потому, что на нем говорят народы скандинавских стран). Мы заявили, что будем делать доклады только на русском языке. Нам пробовали отговаривать, нам советовали делать доклады по-английски, по-французски, доказывая, что это — в традициях международных конгрессов, что эти языки более понятны большинству делегатов «Вы же знаете эти языки», — говорили они нам.

Мы категорически отвергли все эти доводы и указали, что не можем и не хотим мириться с таким пренебрежительным отношением к советской науке и к русскому языку. Русский язык звучал убедительно для всего передового человечества в годы войны против немецкого фашизма, на этом языке говорит народ-победитель, народ, создавший величайшее и самое передовое государство в мире, и этот язык должен занять свое законное место в работах конгресса.

Если вы с нами не согласны, — заявили мы президенту конгресса, — можете снять наши доклады с повестки дня; мы выступать не будем.

Мы добились своего. Доклады были прочитаны нами на родном русском языке и были выслушаны с большим вниманием. В ряде случаев реакция была даже более горячей. Мне некоторые французские ученые говорили, что мои выступления были им понятнее, чем выступления английских коллег, так как наша терминология звучит ближе к французской. Особенную радость и удовлетворенность выражали представители славянских стран, впервые услышавшие на международном научном конгрессе братскую русскую речь.

Случай этот еще раз доказал, как велика ответственность советских ученых перед своим народом, как высоко обязаны мы держать звание советской науки, на ми минуту не поступаешь нашей национальной честью и достоинством, непримиримо борясь со всеми видами низкопоклонства перед Западом.

К чему приводит отсутствие твердой принципиальной линии в этом вопросе, показал нам пример другой группы советских ученых, присутствовавших в качестве делегатов на Лондонском химическом конгрессе, происходившем одновременно с нашим. Мы предупреждали наших товарищей-химиков, что будем делать доклады только на русском языке или вовсе не будем их делать, и советовали им следовать нашему примеру и, следуя традициям их конгресса, выступать на французском и английском языках. А после завидовали нашей победе.

Несколько слов о характере самой работы физиологического конгресса. Следует признать, что по своему научному уровню он стоял ниже некоторых довоенных конгрессов. Возможно, это объясняется тем, что во время войны ученые занимались делами, о которых они на конгрессе умалчивали, а после войны не успели сделать что-либо значительное и интересное. Так или иначе, я не могу назвать ни одного зарубежного физиолога, который выдвинул бы в докладе на конгрессе какой-либо новый вопрос, какую-либо принципиально новую точку зрения. В основе всех выступлений лежали проблемы, разрабатывавшиеся еще до войны. Сообщались новые детали, новые подробности — и только.

Вообще естественно, что наши доклады произвели большое впечатление, ибо мы устанавливали принципиально новые факты, знакомили аудиторию с явлениями, до нас не исследованными в науке. Академик Орбели дал сводку своих работ о роли нервной системы в эволюции мышечной ткани. Академик Быков рассказал о своих работах в области условных рефлексов, академик Бериташвили сделал доклад о работах по изучению явления возбуждения и торможения в нервной системе, я рассказал о некоторых последних работах по биохимии головного мозга.

Каждый наш доклад заключал в себе важные, новые для делегатов конгресса данные, являлся убедительным свидетельством того, что советская наука во многих вопросах идет вперед, что она является ведущей наукой мира, что нигде для ученых не созданы такие благоприятные условия работы, как в Советском Союзе.

На заключительном заседании конгресса состоялось присуждение ряду ученых степени доктора — honoris causa. Это делается очень торжественно, но, как и всё в Англии, очень традиционно, от таких торжеств веет средневековьем. Профессору явился на заседание в мантиях, и многие произвели странное, а иногда и смешное впечатление. Очень пожилой ректор университета произнес на латинском языке традиционную формулу, затем специальный оратор, точно сошедший со страниц Диккенса, прочел характеристики тех, кому присвоена степень доктора.

Нас многое удивляло в Англии. Удивляли лидеры оппозиции, сидящие в парламенте, положив ноги на стол; удивляли газетчики, отдававшие большее внимание предстоящему бракосочетанию наследной принцессы Англии — наследным принцем Греции — чем экономическому кризису, надвигающемуся на страну, удивляло то, что в одной из лучших гостиниц Лондона, где мы жили после Оксфорда, нам давали очень немного хлеба за утренним завтраком, а затем в 2 часа за обедом и вечером (6—7 часов) за обедом хлеба совсем не давали. Хлеб насильно выдается в небольшом количестве по карточкам, а приезжающие на короткий срок, как мы, карточек не получают. Промтовари продают по карточкам, так что мы не могли себе купить даже вотничков и галстук.

Но больше всего удивляла та нетерпимость, с какой лейбористское правительство «ликвидирует» последствия войны в Англии. Иной раз мы грешным делом начинали подумывать, что эта нетерпимость имеет под собой определенную подоплеку: создать у иностранцев превульгарное представление о размерах бедствий, понесенных Англией. Об этом любят напоминать на каждом шагу и по каждому пустяковому поводу.

Вот пример: в комнатах одной из лондонских гостиниц, где мы жили, только прилета в Лондон, окна оказались незастекленными, они были просто забиты картоном. Вследствие этого в них даже днем было темно. В ответ на наш недоуменный вопрос нам заявили:

— Стекловый кризис! Последствие войны! — спрашиваете: почему на улицах Лондона — мрак, почему по вечерам освещаются только площади и перекрестки? Немедленно следует ответ:

— Топливный кризис! Последствие войны! — захотелось нам ознакомиться с знаменитым Британским музеем. Оказалось, что библиотека музея еще не развернута, шкафы стоят большей частью пустые. В археологическом отделе функционирует лишь один зал, тот самый, который функционировал во время войны. Все остальные коллекции еще не разобраны. Почему?

— Выдите ли, война! Тяжелые последствия... еще не успели.

Тот же ответ мы получили, когда пожелали осмотреть Национальную галерею. Оказалось, что картина еще не возвращены на свое прежнее место. К услагу посетителя было всего... полтора зала.

Слушая эти объяснения, мы невольно вспоминали ленинградский Эрмитаж, Третьяковскую галерею, кремлевскую Оружейную палату. Всесоюзную библиотеку им. Ленина и множество других наших сокровищницы науки и искусства, которые давно уже работают на полную мощность, хотя колоссальные их богатства были эвакуированы, большей частью, за тысячи километров от Москвы и Ленинграда, а не за десятки километров, как достопримечательности Лондона.

Мы думали также о том, как несоизмеримы разрушения, причиненные войной Англии и нашей советской Родине, и как, тем не менее, различия по масштабу, размаху и эффективности усилий, мобилизуемых в Англии и у нас для ликвидации последствий войны.

Символом тех темпов строительства, которые осуществляются в послевоенной Англии, представляются мне так называемые «черчилевские домики», которые мы увидели на окраинах Лондона. Это копошки из гофрированного железа, построенные для рабочих на месте их прежних жилищ, разрушенных немецкой бомбардировкой. Правительство не спешит строить что-либо более подходящее для пострадавших рабочих.

Как жалко выглядят все эти «черчилевские» домики в сравнении с тем, что делается у нас, где буквально миллионы колхозников уже переселены из землянок в новые дома, где возрождаются Днепрогэсы и «Запорожсталь», восстанавливаются целые города, возникают новые великолеленые очаги социалистической культуры!

С гордостью думали мы об этом, когда подводили итоги нашей поездки в Оксфорд, нашей встречи с послевоенным Западом. Эта гордость — законная: она зиждется на глубоком осознании превосходства нашего строя и ведущей роли нашей научной мысли.

«БИБЛИОТЕКА РУССКОГО РОМАНА»

Русский классический роман завоевал мировое признание и сыграл первостепенную роль в судьбах европейского романа. Одни из английских критиков признали, что «нигде других наций только играют у ног таких гигантов, как Толстой и Достоевский». В русском романе с особой силой проявились сильные стороны передовой русской литературы — общенациональный характер ее, народность, гуманизм. Современный советский роман, воспринявший лучшие традиции русской литературы XIX века, воплощает самые передовые идеи человечества и является глашатаями нового социалистического мира.

Л. СЕРПИЛИН

ОНИ БЕССМЕРТНЫ

ПИСЬМО С УКРАИНЫ

Александр Гончар, автор романа «Знаменосцы», недавно опубликован в журнале «Днипро» свою новую повесть «Земля гудит». Эта повесть воспроизводит одну из героических страниц борьбы против немецких захватчиков на Украине — историю возникновения и деятельности полтавского комсомольского подполья во главе с отважной комсомолкой Лалей Убийвокс. В повести рассказано о том, как дочь врача одной из полтавских больниц, студентка Харьковского университета, оказавшаяся в Полтаве к моменту захвата немцами, Лалей Убийвокс организовала своих друзей на непримиримую борьбу с оккупантами, о том, как отважно боролись полтавские герои комсомольцы и как мужественно и стойко встретили они смерть в неравной борьбе.

Страницы, посвященные последним дням бесстрашных комсомольцев — самые сильные в повести. Просто и слезливо рисует А. Гончар непреклонное упорство юных патриотов перед лицом врага. Ни пытки, ни муки, ни страх смерти не в силах поколебать их волю к борьбе и победе. Они умирают непокоренными, их прекращается жизнь до последнего вздоха отдала борьбе.

Повесть А. Гончара чудя мрчливый колорит, чудно ощущение какой бы то ни было безнадежности. Его произведение проникнуто оптимизмом, оно утверждает бессмертие героев, самая смерть которых была победой над врагами.

Повесть «Земля гудит» отличается большей зрелостью писательского мастерства, большей экономией изобразительных средств, чем роман «Знаменосцы». Правда, и здесь мы находим еще порою избыточную декларативность в некоторых высказываниях героев, отдельные неточно написанные сцены. Но все это прощаем писателю, покоряясь обаянию созданных им образов молодых советских патриотов.

Ярко и живо написаны образы Лалей Убийвокс, ее друзей — Сергея Ильевского, Леонида Иванова, чудесный образ пятнадцатилетней девочки Мачи, которую друзья называют Веснянкой. Это она со-

Испытание временем

На вечере 30-летия советской драматургии

На днях в Центральном доме литераторов состоялся первый вечер из цикла, посвященного тридцатилетию советской драматургии. В воспоминаниях выступавших, в отрывках из спектаклей оживили театральные образы первого десятилетия молодой советской страны — «Мистерия-Буфф», «Любовь Яровая», «Разлом», «Бронепоезд 14-69».

В вводной речи Н. Волкова были, помимо общего анализа, живые наблюдения очевидца, подробности, представляющие интерес для будущего историка советской драматургии. О рождении «Любови Яровой» на сцене Малого театра рассказал заслуженный деятель искусств В. Владимиров. В историю создания пьесы и спектакля «Бронепоезд 14-69» посвятил аудиторию народный артист РСФСР И. Сулак. Образно, впечатляюще говорил народный артист СССР С. Михалков. Немногое знали о том, что Михалков играл в «Мистерия-Буфф» — пьесе, открывающей собой историю советской драматургии.

С волнением ожидал я показа отрывков. Наряду с тем радостным чувством, какое вызывает встреча со старыми друзьями, было и опасение: живы ли сейчас образы, некогда так покорявшие, не выветрились ли их обаяние? Словесно ли лучше пьесы того времени на долгую жизнь, которая свойственна всякому подлинно художественному произведению?

Но вот появился матрос Швандя из «Любови Яровой» (нар. арт. РСФСР Н. Светловидов), и опасения исчезли. Он совсем не постарел, этот жизнерадостный и отважный матрос. События прошедших двадцати лет не стерли в памяти его образ, и, пожалуй, даже чем-то обогатили наше сегодняшнее отношение к нему. Он оживает больше ассоциаций. По-новому, но не менее живолюбовно, чем когда-то, реагировала аудитория на столкновение русских моряков Голуна и Беренсона с лейтенантом фон-Штуббе, в образе которого Б. Лавренев уловил черты интересной и острой эскиз будоражающего фашиста. И партизаны Вс. Иванова воспринимались теперь, когда слово «партизан» стало по-новому современным, как близкие, как современники.

Пониманию, в каждой искренней и талантливой пьесе есть крупицы исторической правды, и это помогает ей обрести новую жизнь через годы. Жаль, что наши театры так редко возвращаются к советским пьесам, имевшим свою славу историю.

Большим художественным событием было выступление на вечере Василия Ивановича Качалова. Я видел его в роли Вершинина на одном из первых спектаклей «Бронепоезда» в МХАТ. Тогда Василий Иванович впервые выступил в пьесе советского драматурга. Он играл блестяще. Но я беру на себя смелость утверждать, что сейчас он играет Вершинина лучше: разнообразнее по краскам и глубже по проникновению в психологию героя. Прошедшие двадцать лет со дня премьеры не разрушили обаяние этого блестящего артиста.

Хороший вечер, показавший жизнеспособность, прочность нашей советской драматургии.

А. Л. КРОН.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Несправедливый упрек

Дорогие товарищи!

В «Литературной газете» от 1 октября я прочитал информацию о встрече писателей с мастерами высокого урожая.

Из этой информации я понял, что академик И. В. Якушкин вполне закономерно отечественной неосведомленностью некоторых наших писателей возмущен восторгом колхозников.

Однако в качестве примера такой неосведомленности он приводит описание кубанской осени из повести «Кавалер Золотой Эвельды» С. Бабаевского и, в частности, утверждение автора, что в сентябре на Кубани подсолнух и кукурузу убирают одновременно.

Я только что возвратился с Кубани, именно из тех мест, о каких пишет С. Бабаевский.

Да, в сентябре на Кубани убирается одновременно и подсолнух и кукуруза. В 2.00 по среднеевропейскому времени мы присутствовали при этом факте в колхозе «Мировой Октябрь». Это было 18 сентября 1947 года. В этот же день убирали подсолнух одновременно с кукурузой в усть-лабинских колхозах.

Совершенно правильные замечания И. В. Якушкина о разном времени созревания этих двух культур еще не означают, что и убираются — они обязательно разновременно. Писатель пишет о том, что вылит, что имеет место в действительности, а не о том, что должно быть согласно требованиям агрономической науки.

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ.

НОВЫЕ КНИГИ

«Советский писатель»

И. Колос, «В крымском подполье», Воспоминания 328 стр. Тираж 25.000. Цена 8 руб. 65 коп.

А. Иванов, «Завоевы жизни», Научно-художественные очерки о Павлове, Быкове, Гуриче, Винском, Павловском и других советских ученых 627 стр. Тираж 15.000. Цена 17 руб.

Ю. Ивановский, «Обет и вполах», Статьи на шекиперские темы 188 стр. Тираж 10.000. Цена 8 руб. 30 коп.

И. Никитин, «Литературное искусство», Художественные очерки о театральном искусстве 280 стр. Тираж 23.000. Цена 8 руб. 50 коп.

М. Лукин, «Дни свидания», Стихи. 61 стр. Тираж 5.000. Цена 2 руб. 45 коп.

А. Мезюрин, «Порог далека», Стихи 102 стр. Тираж 5.000. Цена 4 руб. 50 коп.

„Не может быть предметом“

Группа студентов и научных сотрудников кафедры лингвистики и русского языка Вологодского педагогического института выпустила два «Диалектологических сборника». Первый сборник вышел в 1941, второй — в 1942 году.

Рецензия на эти сборники появилась лишь недавно. Она принадлежит перу проф. Р. Аванесова и доц. В. Сидорова и напечатана на страницах «Известий Академии наук СССР» (отделение литературы и языка, т. V, вып. 6, 1946).

Если верить уважаемым авторам рецензии, оба упомянутых сборника решительно не удалось: составлены они чрезвычайно небрежно, записаны диалектологическим материалом проведены неумело, значение собранного и опубликованного материала для науки микроскопично. Тем не менее, рецензия с чисто академическим изществом вынуждает изследующие слова:

И все же не этообразие академического «политеса» наиболее достопримечательно в рецензии Р. Аванесова и В. Сидорова.

Поражает в рецензии одна из основных его отравных установок, показывающая, на какой точке зрения стоят ее авторы. Поражает и то, что установка эта облечена в форму непреложной и не требующей доказательства истины. Поражает, наконец, еще и то, что редакция «Известий Академии наук», видимо, разделяет эту веру в непреложность преподанной установки.

Рецензенты упрекают авторов сборника в «недостаточном ясном понимании целей собрания диалектологического материала, предназначенного для атласа русского языка». При собрании материала для атласа установка должна быть сделана на историю языка, на прошлые обетыемы говоры, — разясняет Аванесов и Сидоров. — Статьи рецензируемых «сборников не отличаются... ясным пониманием задач исследования. Этим, между прочим, объясняется интерес к различиям в произношении таких слов, как МТС, гектар, трактор, агроном, премия, председатель и др., которые не представляют никакого интереса для атласа».

Мы не можем разделить с ними неколенимой уверенности в том, что «языковые процессы современности не могут быть предметом картографирования». И мы полагаем, что будет чрезвычайно присорочено, если на «атласологию» примут на веру слова Р. Аванесова и В. Сидорова и, устранив громоздкие и молчаливые, обремененные на головы их вологодских колхозов, станут затыкать уши ватой, едва слышат слова «МТС», «трактор» или «председатель».

Нам кажется, что именно сегодняшняя язык советской деревни и должен послужить предметом самого тщательного изучения диалектологов, лингвистов и фольклористов.

Вологодские авторы в своем сборнике справедливо говорили:

«Народные говоры Чарозерского района испытали на себе сильнейшее влияние тех социально-экономических слягов, которые произошли в стране в результате Великой Октябрьской социалистической революции».